

ВЕРБИНИНА
валерия

вера, надежда, любовь

Легу
И ОДИНОКИЙ
СТРЕЛОК

исторический детектив

Валерия Вербинина
Леди и одинокий стрелок
Серия «Амалия – секретный агент императора», книга 3

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=181391
Леди и одинокий стрелок: Эксмо; М.: 2007
ISBN 978-5-699-22922-2*

Аннотация

Когда Амалия, секретный агент русского императора, оказалась на Диком Западе, ей пришлось усвоить несколько правил. Во-первых, красивой девушке ни при каких обстоятельствах нельзя терять голову. Во-вторых, не стоит доверять поездам – их слишком часто грабят. В-третьих, лучше ни с кем не откровенничать, особенно если хочешь первой найти баснословное сокровище. И самое главное: ни в коем случае не ссориться с Билли по прозвищу Пуля – он никогда не промахивается...

Содержание

Часть I	4
1	4
2	8
3	13
4	17
5	22
6	26
7	31
8	37
9	42
10	45
Часть II	50
1	50
2	52
3	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Валерия Вербинина

Леди и одинокий стрелок

Часть I

Не стреляйте в пианиста

1

Ручаюсь, ни одному рассказчику не доводилось начинать свой рассказ в столь неудобном положении. Мою шею охватывала веревочная петля, руки были связаны за спиной, а кончиками пальцев ног я что было сил пытался удержаться на гребне скользкого серого камня, явно не предназначенного для балетных упражнений. Другой конец веревки был закреплен на ветке толщиной этак с талию сенаторской жены, которая не склонна морить себя голодом. Думаю, если бы на этой ветке подвесили еще с десяток бедолаг вроде меня, она бы и то не треснула, и мысленно я уже видел сонм приветливо плещущих крыльями ангелов, готовых отконвоировать меня туда, откуда никто не возвращается. Кое-как мне удавалось еще сохранить равновесие на этом треклятом камне, но я чувствовал, как петля все туже стягивается у меня на глотке, и отчаянно ловил воздух ртом. Со стороны, наверное, это могло выглядеть смешно, и мои палачи отнюдь не скрывали, что веселятся от души. Жаль, что я не мог посмеяться вместе с ними.

А ведь, казалось, все так хорошо начиналось!

Я приехал в Ларедо вскоре после Нового года. Ларедо – это заштатный техасский городок, расположенный аккурат на самой границе. До Мексики отсюда рукой подать, и оттого в городе всегда обретается пропасть народу, питающего слабость к переездам, как то: шулера, бандиты всех мастей, воры и скупщики краденого, конокрады и прочие милые люди. Нет только сутенеров, и то лишь потому, что монополия на местных шлюх давно уже принадлежит некоему Игнасио Санчесу. Он является хозяином трех игорных домов и лучшего борделя во всем штате Техас, образцового заведения, чья слава гремит от Восточного побережья до Западного, не минуя даже Аляску на севере. Кроме шлюх, Санчес содержит местную полицию, судью, мэра и собственного сына Франсиско, который обходится дороже всех прочих, вместе взятых. Слово сеньора Санчеса – закон, и благодаря ему Ларедо считается территорией, свободной от глупых условностей всех остальных законов. К преступникам он относится снисходительно и редко выдает их, и не один бандит, успевший вовремя перебраться через реку Рио-Гранде на мексиканскую сторону, обязан жизнью хозяину борделя. Все это я знал о нем понаслышке и теперь решил, что настало время познакомиться нам лично.

Кстати, я еще не представился сам – Риджуэй Стил, к вашим услугам. Вряд ли вы читали обо мне в газетах – я не фигурирую ни в светской хронике, ни в объявлениях «Разыскивается полицией». Насколько я понимаю, я вообще ничем не знаменит. Ремесло у меня тихое и, можно сказать, почтенное: я профессиональный игрок в покер, фараон, *монте*, а также во все, что душе угодно, и этим зарабатываю себе на жизнь. Дома у меня нет, семьи – тоже, но к счастью это или наоборот, не знаю. Родом я из солнечной Калифорнии, однако постоянно кочую с места на место. Случилось так, что дорога привела меня в Ларедо, и, привлеченный молвой об этом городке и царящей в нем свободе, я решил задержаться здесь и оглядеться. Никаких особых дел у меня тут не было, да и не могло быть.

Я медленно ехал по главной улице, сдвинув шляпу на затылок и от нечего делать разглядывая прохожих. Стояла погода, обычная для этих краев – что-то около 70 градусов¹, сухая мелкая пыль клубами поднималась из-под копыт моего коня, и я почувствовал, что мне не хватает океана, его убаюкивающей лазоревой шири. Городок казался словно вымершим. Мне попались на глаза скрюченная в три погибели старуха, чья кожа напоминала печеное яблоко, двое смуглокожих, черноволосых сеньорит (одна с изумительной длины ресницами), кабальеро, который небрежно курил сигару под навесом, привалившись плечом к столбу, и мальчик-калека без ног, сидевший в тени возле церкви с деревянной чашкой для монет и смотревший перед собой отчужденным, горделивым взором, плохо вязавшимся с его ремеслом попрошайки. Я спросил у него по-испански, какая гостиница в городе лучшая. Мальчик едва повернул голову в мою сторону, но все же ответил: лучшая гостиница – «Мул и бочонок», и находится она на той же улице, через четыре дома. Я протянул ему монету, которая исчезла в его пальцах так быстро, что я подумал даже, не пригрезилось ли мне, что я только что держал ее в руках. Заглянув в чашку нищего, я заметил, что она пуста.

– Ладно, – уронил я небрежно, – а как тут в смысле игры?

Мальчик подтвердил то, что я уже знал: самые солидные игорные дома принадлежат Санчесу, и вход туда открыт любому, но за порядком следят строго, и если ты попался на плутовстве или отказался уплатить проигрыш, могут быть серьезные неприятности.

– Только сегодня дома вряд ли откроются, – сказал мальчик, глядя на меня исподлобья.

– Это почему? – спросил я.

На сей раз калека все же удосужился посмотреть мне в лицо.

– Вы друг сеньора Санчеса?

– Я даже не знаю его.

– У него произошло несчастье.

Я насторожился.

– Несчастье? Что за несчастье?

– Его сын Франсиско умер этим утром. Вот такие дела.

Не скажу, чтобы я был очень опечален этой смертью, но я определенно подумал, что мне везет, как всегда. Мой ангел-хранитель в очередной раз показал мне фигу.

– Мне очень жаль, – сказал я все же. Из чистого приличия. Кроме того, я не сомневался, что в таких городках, как Ларедо, каждое слово становится известно окружающим и незамедлительно доводится до сведения кого следует. Я не исключал того, что Санчес будет знать о моем прибытии еще до того, как я явлюсь в гостиницу, и поэтому следовало быть особенно осторожным в выборе выражений. – Представляю, как это должно быть неприятно... Отчего он умер?

У калеки вырвался озорной смешок. Его глаза сверкнули.

– Его убили, – коротко отозвался он. – Всадили ему пулю в живот, представляете? Подыхая, он скулил, как собака. Он не хотел умирать, но все-таки умер. Сеньор Санчес – богатый человек, но даже он не смог выкупить у бога душу своего сына.

И вновь последовал смешок. Честное слово, я слегка опешил.

– Похоже, ты его не слишком любил, – заметил я.

– Еще бы, – коротко ответил калека, и в черных глазах его вновь сверкнула, как лунный свет на лезвии ножа, неугасимая ненависть. – Ведь это из-за него я стал тем, что я есть.

Я поглядел на обрубки, торчащие вместо ног. Да, этот мальчик определенно имел право ненавидеть того, кто сотворил с ним такое.

– Он ехал на лошади, – пояснил мой собеседник, дернувшись всем телом. Рот его жалобно покривился. – И проехал прямо по мне. На полном скаку. – Мальчик улыбнулся

¹ По Фаренгейту; около 20 градусов тепла по Цельсию.

злой, совсем взрослой улыбкой. – А теперь я увижу, как его будут хоронить. Хорошо, что он сдох.

Как и все страдающие люди, этот ребенок и ненавидел свою боль, и лелеял ее. Последнее слово он произнес с особым удовольствием.

– Я думал, Санчес – хозяин города, – заметил я осторожно. – Как же такое могло произойти с его сыном?

– А-а, – протянул мальчик. – Его застрелила девушка, которую они вчера привезли.

Я облился холодным потом и тоскливо оглянулся на желтую от пыли улицу. Положительно, этот город нравился мне все меньше и меньше.

– И что же с ней стало?

– Ничего. Она сбежала. – Калека усмехнулся. – Ранила еще привратника борделя, охранника и мамашу Чавес. Вот так. Надеюсь, они ее никогда не найдут, не то ей плохо придется.

Я понял, что он говорит о девушке, а не о мамаше Чавес.

– Сегодня все идут к Санчесу, – продолжал калека, вертя в руках чашку, – выразить соболезнования по поводу его сына. Даже бордель и тот закрыли, пока Франсиско не похоронен.

Это уже и впрямь было серьезно. Я достал платок и вытер лоб под шляпой.

– Наверное, мне тоже стоит туда сходить, как ты думаешь?

Глаза мальчика погасли. Он отвернулся с деланным безразличием.

– Делайте что хотите, сеньор.

– Не сердись, малыш, я всего лишь гость в этом городе и не хочу ни с кем ссориться. Как мне найти дом Санчеса?

Нищий вздернул подбородок.

– Поезжайте по этой улице прямо. Как увидите свинью, сверните налево. У Санчеса единственный в городе дом в три этажа.

– Свернуть после свиньи? – озадаченно переспросил я, решив, что забыл испанский.

– Да, она всегда лежит на одном и том же месте.

Я опустил еще одну монетку в его ладонь, поблагодарил за сведения и поехал в «Мул и бочонок». Это было простое здание в два этажа с покатой крышей. В зале девушка с небрежно подколотыми прядями волос мела пол, больше поднимая пыль вверх, чем наводя чистоту. За стойкой стоял хозяин. Один вид его здоровенных кулаков, которыми он опирался о прилавок, мог усмирить четверку взбесившихся лошадей. Несколько человек за столом у окна играли в монте, и, проходя мимо, я заметил краем глаза, что по меньшей мере двое из них играют нечисто.

– Гринго? – прохрипел хозяин, недружелюбно оглядывая меня с ног до головы.

Я изобразил на лице улыбку.

– Мальчик у церкви сказал, что у вас лучшая гостиница.

– Это мой племянник. – Настороженности в его лице заметно убавилось, и эта фраза получилась у него мягче, чем предыдущая. – Ладно, ступай за мной. Лошадь оставь Пепе, он о ней позаботится. Надолго в наш город?

– Как получится.

Заплатив за два дня вперед, я прошел в комнату, сел на кровать, бросил сумку на стул и огляделся. Бедно, но более-менее чисто. Правда, простыни несвежие, но вряд ли в Ларедо на такие мелочи обращают внимание. В дверь кто-то тихонько поскребся, и мгновение спустя на пороге показалась та самая растрепанная девушка, которую я уже видел с метлой в руках. Она присела, мило улыбнулась и протянула мне кувшин с водой.

– Не желает ли сеньор что-нибудь еще?

Вопрос был дьявольски двусмысленный. Сеньор желал кучу вещей. В частности, очутиться сейчас где-нибудь в другом месте, где игорные дома открыты и траур не соблюдают столь неукоснительно. Но любопытство призывало сеньора остаться.

– Расскажите мне о сыне Санчеса.

Она шмыгнула носом, плюхнулась на стул (с которого я уже успел убрать сумку) и стала всхлипывать, причитая: ах, Франсиско... Такой красавчик, такой обходительный, такой... такой мертвый! И подумать только, что его пришила какая-то потаскуха, которая и гроша ломаного не стоит. Впрочем, сеньор Санчес отвалил за нее целых 350 долларов, но как смела она прикончить Франсиско, который и мухи не обидел? Такие, как эта девица, позорят весь женский род, и Эухения (фею метлы звали именно так) искренне надеется, что с нее живьем сдерут кожу, когда поймут...

Я подумал, что было бы по меньшей мере неразумно сдирать кожу с леди, которая стоит столько же, сколько небольшой дом с участком в придачу, но мысли свои оставил при себе.

– А сеньор Санчес сейчас у себя?

– Да, – оживилась Эухения. – Тут недалеко, дойти до свиньи и повернуть...

Решительно некуда было деваться от прямо-таки мистической свиньи в этом городе. Я поблагодарил Эухению, вручил ей монетку и намекнул, что хочу побыть один.

Девушка ушла, как мне показалось, нехотя. Я умыл лицо и руки и в который раз спросил себя, что я забыл в этом городке. Но, в конце концов, он был не лучше и не хуже других, и у его обитателей наверняка имелись деньги, которые они мечтали спустить мне в карты если не сегодня, то завтра точно. К тому же я уже уплатил хозяину за два дня.

Не додумавшись более ни до чего особенного, я заказал себе еду в номер, поел и решил прогуляться. Тени удлинились, и повеяло вечерней прохладой. Народ высыпал на улицы, переговариваясь с чисто мексиканской неустомимостью. Я прошагал добрые триста шагов, но никакой свиньи не заметил. То же самое повторилось еще через триста шагов: я уперся в ограду кладбища и должен был вернуться. Солнце садилось за горизонт. Оно было не желтое, не красное, не золотое, а белое, сухое и неласковое. И из этого солнца на меня выехал всадник.

Я едва успел отпрянуть к стене. Всадник был запыленный, уставший и хмурый, как и его лошадь. На вид ему было лет шестнадцать, если не меньше, выгоревшие на солнце волосы спускались из-под шляпы на глаза. На шее всадника был повязан щегольской платок, по-моему, сиреневого цвета, за поясом торчали два револьвера. Он слегка тронул отделанную перламутром рукоятку правого из них, когда едва не налетел на меня, и это движение мне не понравилось. Больно уж уверенным оно было.

– Ты, мистер, того... смотрел бы, куда идешь, – неприязненно проговорил всадник горловым мальчишеским голосом.

Оглядев меня с головы до ног, он тронулся с места. От его взгляда у меня остался неприятный осадок, и я подумал, что старею, раз любой сопляк с «кольтом»– «громовержцем» 45-го калибра позволяет себе задевать меня. Но делать было нечего. Он уехал, а я вновь отправился на поиски пресловутой хрюшки.

Проходивший мимо старик с тремя зубами в нижней челюсти, радостно ослабившись, сообщил мне, что свинья заболела и поэтому не лежит на своем обычном месте. Теперь я понимаю, что это был знак – знак поскорее убираться из города, пока все еще не пошло кувырком. Но тогда я этого не сообразил и не внял ему, а, получив более человеческие разъяснения по поводу того, как найти дом властелина шлюх, зашагал к нему, осторожно обходя кучи гниющего мусора, валявшиеся на дороге там и сям.

2

Дом Санчеса и впрямь насчитывал три этажа. По сути, это был не дом, а целый особняк – белый, гармоничный и стройный. Стиль этот, кажется, называется колониальным, но все равно – странно было видеть такое здание после дощатых хибар и немудреных построек, заполонивших улицы Ларедо. Перед домом, словно часовые (или девицы из кордебалета – смотря какое сравнение вам больше по вкусу), выстроились пальмы и еще какие-то деревья, отбрасывавшие на фасад красивую ажурную тень. Вместе все выглядело весьма впечатляюще, но, признаться, в облике особняка было еще что-то от шлюх, которые не скрывают, что влетают покупателям в копеечку. От него разило деньгами, причем большими. Я решил, что дело свое Санчес знает. И знает его хорошо.

У смуглых слуг были горестные лица, соответствующие требованиям момента. Разные люди входили в дом и выходили из него, и мне подумалось, что нет причин и мне не заглянуть туда. Внутри пахло потом, пылью и скорбью. Мебель, насколько я заметил, пыталась ослепить роскошью а-ля second Empire², но обстановка в общем все равно неизбежно наводила на мысль о борделе, только дорогом. Вы назовете меня циником и будете правы. Зато циник видит вещи, а не их маски, и для него спасительные покровы лицемерия ничего не значат. Чем больше Санчес пытался богатством отгородиться от своего ремесла, тем настойчивее оно напоминало о себе: кричащая обивка стульев, кресел, диванов была дурного тона, а обилие зеркал наводило тоску.

Мужчина, поднимавшийся по лестнице впереди меня, снял шляпу, и я, спохватившись, последовал его примеру. Наконец мы вошли в комнату, где в гробу лежал покойный. Никогда мне еще не приходилось видеть вместе столько рыдающих шлюх, и я остановился как вкопанный. Их было там не менее двух дюжин, и они причитали на разные голоса, вспоминая добродетели Франсиско, щедрость Франсиско, пылкость Франсиско и бог знает что еще. Два монаха истово молились, стоя на коленях и шевеля губами; третий вошел вслед за мной и присоединился к ним. Я посмотрел на Франсиско: пресловутый красавец, которого так расхваливала Эухения, был жирным, волосатым и кривоногим парнем с приплюснутым носом и выпяченными губами. Впрочем, известно, что если у тебя водятся деньги, ты можешь иметь два горба и три глаза, и все равно многие будут считать тебя неотразимым. На лице покойного застыло страдание, но и это не примирило меня с ним. Он мне не нравился мертвый и, я уверен, не понравился бы и живой. Я мог представить себе всю его жизнь: женщины, выпивка, сальные шуточки, от которых он наверняка был без ума, и опять женщины. Могу поспорить, что он всегда расчетливо играл по маленькой, но когда ему случалось проигрывать, выходил из себя и с размаху швырял карты на стол. Скорее всего, он был не в меру суеверен, говорил надменно и спесиво, как истый хозяин жизни, а напившись, первым делом вытаскивал нож и грозился прирезать любого, кто, как ему мерещилось, пытается его задеть. Над его головой вились две жирные мухи.

Чуть поодаль от гроба стоял маленький человечек с седой волнистой гривой до плеч, умным, живым лицом и осанкой короля. Он отдаленно походил на Франсиско, и я понял, что это его отец – Игнасио Санчес. Подойдя к нему, я пробормотал несколько слов утешения, как и все остальные посетители, и поспешил вернуться под сень ажурных пальм. Когда я уходил, одна из присутствовавших девиц схватила руку убитого и стала покрывать ее поцелуями, а вторая начала биться головой о гроб, при этом пытаясь не повредить лицо и сохранить макияж. Понятное дело: горе горем, а завтра ей все равно придется работать, так что лучше не распускаться.

² В стиле Второй Империи (франц.).

Я прошелся по городу, отыскал игорные дома, запомнил, где они находятся, вернулся в гостиницу и заснул как убитый. Утром Франсиско с большой помпой зарыли в землю, но я при этом не присутствовал. Не люблю похороны и отправлюсь только на те, которые не смогу пропустить, то бишь на свои собственные. Да я бы и их с удовольствием переуступил кому-нибудь другому, причем совершенно бесплатно.

Эухения, узнав, что я не осчастливил своим присутствием столь волнующее зрелище, разволновалась и стала визгливым голосом пересказывать мне все подробности: что сказал падре, и сколько слезинок уронил безутешный отец, и как рыдала Минни (девица с красными волосами, которая вчера лобзала руку покойного), и... Она разошлась не на шутку, а я только кивал и благожелательно улыбался. Она, наверное, считала Франсиско чем-то вроде наследного принца этой дыры, и если бы я стал ее убеждать, что на свете есть люди (и города) попроще, она бы накинулась на меня с негодованием.

В этот день я сначала выиграл в игорном доме семьсот долларов, и мое настроение значительно улучшилось. Но потом я проиграл тысячу и еще пятьдесят долларов сверху и в результате поднялся из-за стола куда более легким, чем сидел за него. На сегодня, решил я, хватит. Но было еще не слишком поздно, и мне не хотелось возвращаться к себе с пустыми карманами. Впрочем, у меня оставалась одна вещь, которой я до сих пор не придавал особого значения, но мне хотелось показать ее Санчесу. И я спросил, нельзя ли мне видеть его.

– Можно, – последовал ответ. – Только оставьте свой револьвер здесь.

Я отдал свой «кольт» охраннику, после чего он быстро обыскал меня, чтобы убедиться, нет ли у меня при себе другого оружия. Санчес сидел у себя в крохотном кабинете и курил трубку; большой бледный мотылек увивался вокруг лампы. Человек, потерявший сына, поднял на меня глаза.

– А, сеньор Стил! Чем обязан?

Вот как, он уже знал мое имя...

– Я видел, как вы играли, – продолжал Санчес. – Вы оставили у меня довольно крупную сумму, но при этом вели себя безупречно. Некоторые джентльмены, знаете ли, не любят расставаться с деньгами...

– Мне кажется, я даже знаю таких, – заметил я.

– Вот-вот! – Он засмеялся и тряхнул головой. – Так что я могу для вас сделать, сеньор?

– Я бы хотел знать, – спросил я, – сколько может стоить такая вещь?

Он взял то, что я ему протянул, и с любопытством осмотрел.

– Вы хотите денег под это?

– Да. Видите ли, я проиграл больше, чем следует, но мне хотелось бы продолжить игру.

– Откуда это у вас?

– Один человек проиграл мне в карты в Париже.³

– Один человек? – Он поцокал языком и поудобнее устроился в кресле. – И какова была ставка?

– Пятьдесят долларов, кажется.

Санчес пожал плечами и протянул мне обратно камешек с шероховатыми гранями, похожий на тусклый кварц.

– Мне очень жаль, сеньор, – лучезарно улыбнулся он, – но вещица не стоит и пяти долларов. Это хрусталь.

Он глядел на меня своими непроницаемыми черными глазами, пуская клубы дыма, и я, почувствовав себя последним дураком, разозлился на себя.

– Значит, камень...

– Да. Он не стоит ничего, сеньор. Сожалею, но я не могу дать вам денег.

³ Город в штате Техас, к северу от Сан-Антонио.

– Что ж, – сказал я, поднимаясь, – может быть, это и к лучшему.

Тем не менее я был расстроен. Парень, проигравший мне камень, клялся и божился только что не своей могилой, что это алмаз. Я взял дурацкий кусок хрусталя, поклонился Санчесу и удалился.

Было еще светло, и я легко добрался до «Мула и бочонка». Мне хотелось пить, и хозяин плеснул мне виски. Оно было тепловатое и противное на вкус. В углу компания шулеров обыгрывала простака, пригнавшего на продажу в Ларедо гурт скота, который он наверняка где-то украл. Все шло своим чередом: одни воры обманывали других. Шулера методично обчищали простака, а он даже не сопротивлялся. Бывают моменты, когда людская глупость вызывает отвращение, и я повернулся к игрокам спиной.

«Ладно, – подумал я. – В конце концов, та ставка была всего-то в 10 долларов. Не о чем и жалеть».

Зал был набит битком. Люди пили, ругались, хохотали и снова пили. За порядком зорко следили хозяин и вышибала, у которого на левой руке не было большого пальца.

Двери распахнулись, и в зал влетел новый человек. Это был красивый молодой кабальеро с лицом, однако, жестким и решительным. За поясом у него был револьвер, и он поправил его, встав у двери. Такое начало мне не понравилось, и я незаметно поставил стакан на стойку. Однако мои опасения не оправдались: юноша только хлопнул три раза в ладоши и крикнул:

– Внимание всем!

Посетители умолкли – не столько от почтения, сколько от удивления, что кто-то посмел их прервать. У меня мелькнула мысль, что этой ночью кому-то спешно придется переправляться через Рио-Гранде, спасаясь от погони.

– Вы знаете, – начал юноша, – какая беда постигла сеньора Санчеса...

Все издали нечто вроде утвердительного мычания.

– Вы также знаете, что сеньор – не тот человек, который склонен спускать обиду.

Выкрики:

– Да, да!

– Многие из вас, – продолжал кабальеро, сверкая глазами, – кое-чем ему обязаны...

– Верно... – последовал хор голосов.

– А некоторые – так даже всем, что у них есть!

Хохот, одобрительные крики. Гора-хозяин тревожно заворочался за стойкой. Пепе, у которого не хватало одного пальца, смотрел перед собой безучастным взором.

– Но сеньор Санчес не собирается никого попрекать своими благодеяниями. Что он сделал, то сделал, и кончено! Однако он надеется, что вы не оставите его в беде.

– А чем мы можем помочь? – спросил коротышка с грязной повязкой на левом глазу. Я узнал его – когда-то он был в банде, угонявшей скот.

– Поэтому, – прокричал кабальеро, оставив вопрос без внимания, – сеньор Санчес поручил мне объявить, что он назначил награду в пятьсот долларов тому, кто прикончит девку, которая убила нашего Франсиско.

Под потолком, смешавшись с клубами вонючего сигаретного дыма, повисло ошеломленное молчание. Большинство из присутствующих было готово зарезать родную маму, а заодно отца, сестру, брата, жену, детей и любимую собаку за куда более скромную сумму.

– Пятьсот долларов? – недоверчиво переспросил одноглазый угонщик.

– Пятьсот, – подтвердил кабальеро, зазвенев шпорами и склонив голову. – Он выплатит их в любое время, но... он должен иметь доказательства. А так как сеньор Санчес мечтает увидеть ту девку живой, чтобы лично разобраться с ней, то в своей безграничной щедрости он даст семьсот долларов за живую, а пятьсот – за мертвую.

– Подумаешь! – фыркнул кто-то. – Невелика трудность доставить ее живьем.

– И двести долларов на дороге не валяются, – поддержал его сосед.

– Надеюсь, ты не откажешься от своих слов, Большой Доминго, – откликнулся вестник у дверей на слова первого. – Итак, семьсот – за живую убийцу, пятьсот – за одну ее голову. Но и это еще не все!

Гора-хозяин вытер пот.

– Семьсот долларов... – пробормотал он мечтательно. – На такие деньги я мог бы открыть еще один бар...

Он завздохнул, вытирая салфеткой стаканы. Пепе, не отрываясь, смотрел на человека у дверей.

– Люди, которые ее привезли, наверняка были с ней заодно. Их трое: двое мужчин и одна женщина. Когда Франсиско был убит, они сбежали. – Кабальеро выдержал паузу, как опытный аукционист перед объявлением главного лота – ночного горшка вдовствующей королевы с неопровержимыми доказательствами того, что она им пользовалась. – Сеньор Санчес обещает двести долларов за каждого из них, живого или мертвого, безразлично. Женщину зовут Роза, ей лет сорок, одного мужчину – Педро. Их сообщник – гринго со шрамом на шее. Все остальное вы можете разузнать сами, если хотите заработать эти деньги.

– Стой, да я же видел их! – выкрикнул кто-то. – Они так мчались, что я думал, что их жалкая телега вот-вот развалится на части.

Толпа заволновалась, забрасывая счастливого вопросами, но тот сразу же замкнулся в себе и с хитрым видом стал отнекиваться. Я сунул руки в карманы, и они сами собой сжались в кулаки.

– Теперь все! – объявил вестник. – Итак, семьсот долларов – за живую девушку. На ней темный костюм для верховой езды и красная куртка. У нее белая кожа и белые волосы, так что вы быстро ее найдете. В наших краях такие не водятся. Пятьсот долларов – за одну голову! По двести за ее сообщников!

– Виват сеньору Санчесу! – прогремел какой-то пьяница.

Все разом загалдели. Картежники побросали карты, бражники – выпивку. Лица стали таинственными, речи – приглушенными. За узкими лбами роилась одна мысль: на что я употреблю эти семьсот долларов? А если повезет, то почти в два раза больше...

Кабальеро ушел. Я почувствовал настоящую потребность, как выражаются в дешевых романах, глотнуть чего-нибудь и с помощью хозяина и серебряного доллара осуществил свое намерение. Кто-то из посетителей бара задумчиво делал на пальцах какие-то сложные расчеты, кто-то достал старую замызганную карту Техаса и стал водить по ней ногтем с траурной каймой, прикидывая, куда беглянка могла скрыться. Трое или четверо мужчин быстро расплатились и покинули зал.

От выпитого виски меня слегка мутило, и я вышел на свежий воздух. Кошка прошмыгнула мимо меня, заставив вздрогнуть. Я ощупал карман и убедился, что мой «кольт» по-прежнему при мне. Утром на окраине города нашли застреленного гринго, и я знал, что улицы Ларедо далеко не безопасны ночью.

Около церкви темнел короткий силуэт, тихо распевавший монотонную песню. Я узнал мальчика-калеку. Заметив меня, он выпрямился и насторожился, но тотчас же успокоился.

– Разве у тебя нет семьи? – спросил я. – В такой час вряд ли кто будет тебе подавать.

Он вздохнул.

– Брат должен прийти и отнести меня домой. Но, наверное, он опять нагрузился в «Муле».

Мальчик сказал это без всякой злобы, словно констатируя, что такова жизнь.

– Человек Санчеса обходит кабаки. Они что, объявили награду за голову той девчонки? – помедлив, спросил он.

Мне не хотелось лгать ему, и я ответил:

– Да.

– Много?

– Семьсот долларов.

– Никто не получит эти деньги.

– Откуда ты знаешь?

Он вздохнул и отвернулся.

– Я надеюсь, что так оно и будет.

– Ты хороший парень, амиго, – сказал я и потрепал его по голове.

– Меня зовут Диего, – отозвался мальчик.

– Спокойной ночи, Диего.

К нему подошла собака, маленькая светлая кудлатая дворняжка в кофейных пятнах. Он погладил ее, она лизнула ему руку и улеглась рядом.

Хмель окончательно выветрился из моей головы, и я направился к себе. В зале по-прежнему дым стоял коромыслом, когда я поднялся в свою комнату.

Наверное, я расслабился, а мне не стоило этого делать. В сумерках какая-то тень вдруг метнулась ко мне. Я схватился за «кольт», но тотчас в глазах все погасло, и я провалился в кромешную мглу.

3

Когда я очнулся, то обнаружил одновременно две вещи: первое – что я до сих пор нахожусь на этом свете, и второе – что у меня жутко саднит щеки. Кто-то методично хлестал меня по лицу открытой ладонью, но кто именно это был, я не видел: все плыло, как в тумане.

Я встряхнул головой и пошевелился, пытаюсь схватить за горло того, кто с таким усердием расточал мне оплеухи, которые (я был совершенно в этом уверен) я ничем не заслужил. Тут я сделал третье открытие, а именно, что руки мои связаны за спиной, и догадался, что самое худшее еще впереди.

– Довольно! – приказал чей-то до боли знакомый голос. – Он пришел в себя.

Когда туман рассеялся, я обнаружил, что сижу на стуле в какой-то комнате, которая определенно не была той, где я намеревался провести эту ночь в обнимку с подушкой. В окно, как картина в раму, был вписан кусочек темного неба со звездами и неясный силуэт дерева. Но в данную минуту меня больше интересовали люди.

Их было трое: первый – кабальеро-зазывала из бара, чьего имени я не знал, второй – человек с неприятным лицом и хищной улыбкой, обнажавшей острые желтоватые зубы, и третий, с королевской осанкой, удобно развалившийся в кресле напротив меня, – Игнасио Санчес. Ну конечно же, это был он.

Я подумал: что я смогу сделать против них со связанными-то руками – и с грустью констатировал, что ничего или почти ничего. У Санчеса не было оружия, но двое остальных имели при себе револьверы и ножи внушительных размеров. Однако там, где не удастся прорваться силой, зачастую помогает хитрость...

Я встряхнулся и сказал себе, что все равно обойду их, что бы ни произошло. В своей жизни я побывал во многих передрягах и всегда выбирался из них. Возможно, я еще не исчерпал кредитную карточку своей удачи. Один человек как-то заметил мне, что я принадлежу к тем людям, которые никогда не сдаются. Тот человек произнес эти слова почти с обидой, а я принял их как комплимент.

– Ну, амиго, – сказал Санчес, отечески улыбаясь, – как ты себя чувствуешь?

– Прекрасно, – сказал я. – На меня напали исподтишка, оглушили и связали. Всю свою жизнь мечтал об этом, амиго.

Мои слова ему не понравились. Он сразу же перестал улыбаться.

– Эти гринго такие неосторожные, – сказал от двери человек с неприятным лицом.

– То и дело попадают во всякие переделки, – подхватил юноша из бара.

– По-моему, ты ошибся, друг, – заметил я ему. – Готов допустить, что во тьме ты мог принять меня за белокурую девицу, чтобы отработать семьсот долларов, но сейчас стало малость посветлее, и должен тебе заметить, что твоя затея не пройдет.

Санчес звонко расхохотался и шлепнул себя руками по ляжкам.

– Ай да сеньор Стил! – проговорил он в перерывах между приступами смеха. – Ловко он тебя поддел, а, Федерико?

– Шутник, – проворчал страж от двери.

– Твое счастье, что ты связан, амиго! – сказал Федерико, стиснув зубы. Похоже, у него напрочь отсутствовало чувство юмора.

– Нет, это мое несчастье, – отозвался я, незаметно шевеля руками за спиной, чтобы ослабить веревки.

Федерико хотел еще что-то сказать, но Санчес остановил его властным жестом.

– Довольно, – сказал он. – Поговорим о деле, сеньор Стил.

– У меня нет с вами никаких дел, – отозвался я.

– Теперь есть. – Он достал из кармана тот самый кусочек хрусталя, что я показывал ему часом раньше. Спрашивать, как этот камень из моего сюртука перекачивал к нему, было явно излишне. – Где вы достали этот алмаз, сеньор Стил?

Если я и ощутил в тот момент огромное, как скала, разочарование, то, надеюсь, на моем лице оно никак не отразилось. По крайней мере, хотелось бы верить.

– А я думал, это хрусталь, – заметил я.

– Ошибаетесь, сеньор. Это алмаз.

– В самом деле? – уронил я безразлично.

– Да, и вы расскажете мне, где вы его взяли.

Я усмехнулся.

– Я уже говорил вам. Что, от старости память отшибло?

Глаза Санчеса сузились. Федерико беспокойно шевельнулся. Конечно, мне следовало бы вести себя сдержаннее, но я ничего не мог с собой поделать: это было выше меня.

– Сеньор Стил, – вежливо сказал повелитель шлюх, – я никому не позволяю говорить со мной таким тоном.

– Мы в свободной стране, – огрызнулся я. – И я буду говорить, как мне заблагорассудится.

– Вы забываете, – по-прежнему вежливо отозвался Санчес, – что свобода одного заканчивается там, где начинается свобода другого. – Он кивнул типу у дверей. – Лопес! Научи нашего друга, как надо разговаривать со старшими...

Спустя несколько мгновений (или, может быть, даже минут) я очнулся уже на полу. Во рту скопилась кровь, и я выплюнул ее.

– Усади его на стул. Я не хочу, чтобы он запачкал тут.

Федерико и Лопес подтащили меня к стулу и бросили на него, как мешок с чем-то непотребным. Мысленно я перебирал все пытки, каким бы подверг их, освободившись, но ни одна не казалась мне достаточной расплатой за то, что они со мной сделали.

– Сеньор Стил, – сказал Санчес устало, – вы же умный человек.

– Но до вас мне далеко.

– Вот видите. – Он повел пухлыми покатыми плечами. – Итак, вернемся к нашему прекрасному алмазу величиной с грецкий орех. Откуда он?

– Я уже сказал вам: я выиграл его в карты.

– У страшного гринго с черной бородой, так?

В голове у меня шумело, и я тупо уставился на него, не понимая, что он, черт побери, имеет в виду.

– У него не было бороды, – наконец выдавил я из себя.

– Может, мне стоит заняться им, сеньор? – предложил человек с тяжелой рукой, которого звали Лопес.

– Сеньор Стил, – сказал Санчес сурово, – я не думал, что вы станете рассказывать мне сказки, рассчитывая, что я им поверю. Ведь мы с вами прекрасно знаем, откуда этот камень... – И он щелкнул пальцами. – 16 ноября 1880 года...

Санчес заерзал на месте. Я молчал.

– Упрямый человек, – сказал он со вздохом.

– При чем тут ноябрь? – спросил я.

– Не прикидывайтесь дурачком, сеньор! – сурово бросил Санчес. – 16 ноября прошлого года был ограблен поезд. В одном из вагонов перевозился особо важный груз – партия неотшлифованных алмазов. Это дело вызвало большой шум. О, очень большой!

Я и впрямь вспомнил, что читал что-то о том ограблении в газетах.

– Было проведено тщательное расследование, но оно ничего не дало. Алмазы как в воду канули. – Санчес обернулся к Федерико. – Как по-твоему, амиго, сколько они стоили?

Тот заморгал, растерянно соображая. Мне казалось, что еще немного, и я услышу, как скрипят извилины у него в голове. Было ясно, что сегодня он увидел алмаз впервые в жизни.

– Две тысячи долларов? – робко предположил он в порыве вдохновения.

– Дурак, – снисходительно бросил Санчес. – Много больше. Может быть, сто тысяч долларов. Может, миллион.

– Madre de Dios!⁴ – ахнул Федерико и на всякий случай перекрестился.

Надо сказать, я не осуждал его за этот жест.

– В конце концов, – промурлыкал Санчес, мечтательно шевеля сцепленными на животе пальцами, – их всех перестреляли. Я имею в виду бандитов, разумеется. Но ни при одном из них камней не обнаружили.

– Потому что их спрятали? – сообразил я.

– Вот видите, амиго, – расцвел Санчес. – К чему запираться? Вы ведь понимаете, что в нашей стороне алмазы весьма редки, а такой величины, как этот, – и подавно. Так что я сложил два и два и решил: вам должно быть что-то известно об этом кладе. Или тайнике – называйте, как хотите.

Он выдержал значительную паузу. Федерико облизывал губы кончиком языка и растерянно почесывал нос. Из симпатичного, располагающего к себе парня он вдруг превратился в мерзкого, скользкого угря. Вот какие чудеса делает с людьми одно упоминание о больших деньгах!

– Поэтому вы подослали ко мне своих людей? – с горечью спросил я.

Подумать только – если бы я не сунулся сам к Санчесу с этим проклятым булыжником, ничего бы не произошло!

– Я не был уверен, что вы захотите разговаривать со мной, – дипломатично отозвался Санчес.

Хороший ответ, ничего не скажешь.

– А я до сих пор не уверен, стоит ли мне разговаривать с вами, – в тон ему откликнулся я.

Санчес вздохнул, всем видом выражая терпение, кротость и всепрощение.

– Послушайте, сеньор... Я человек скромный, уверяю вас. Не то что некоторые, которые семь шкур сдерут, и то им все мало. Давайте договоримся. Я знаю, что вам известно о тайнике, и вы знаете, что я знаю об этом. Мне неинтересно, как вы были связаны с налетчиками и почему они вам доверились, у такого человека, как вы, есть масса способов выяснить то, что ему необходимо. Отведите меня к тайнику, и мы поделим алмазы поровну, честь по чести. – Он обратился к Лопесу, слушавшему хозяина с недоброй улыбкой: – Как думаешь, амиго, это хорошее предложение?

– Лучше не бывает! – отозвался с готовностью Лопес.

– Более того, – продолжал Санчес, – я готов выкупить вашу долю за приемлемую цену. Ведь алмазы, сеньор, не так-то легко сбыть с рук! И не зря за всеми крупными скупщиками после этого громкого ограбления было установлено наблюдение. Впрочем, оно ничего не дало. Между тем деньги – это всегда деньги. А сундучок, о котором мы говорим, стоил очень больших денег!

Я почувствовал, что мне почти удалось распутать веревку на руках. Невероятно, но это так. Оставалось лишь чуть-чуть потянуть время, и я имел все шансы выбраться из дома короля шлюх живым. Ибо я не сомневался, что нахожусь именно в его доме.

– Видите ли, сеньор Санчес...

Я доверительно понизил голос. Он наклонился вперед с выражением живой заинтересованности на лице.

⁴ Матерь Божья! (исп.)

– Я бы, конечно, принял ваше предложение...

– Это очень разумно, друг мой! – вскричал он с обрадованным видом.

– Да, принял бы. Даже несмотря на то, что вы попытались обмануть меня в самом начале, пришли ко мне в номер, куда я вас не звал, и похитили меня... – После этих моих слов лицо Санчеса потемнело, а я продолжил тем же тоном: – Конечно, я бы доверился вам, амиго. Но в этом случае я был бы последним дураком!

И тут, вскочив на ноги, я с размаху ударил короля местных шлюх лбом в лицо. Мерзко хрустнул сломанный нос, и Санчес дико закричал. Федерико попытался выхватить револьвер, но я использовал Санчеса как живой щит, и рука кабальеро застыла возле кобуры. Лопес бросился на меня с ножом. Я швырнул воющего Санчеса ему навстречу и бросился к двери.

Лестница, коридор и снова лестница.

– Держите его! – кричал Санчес сверху в промежутках между такими жуткими ругательствами, что у меня не хватит духу воспроизвести их здесь.

Двое слуг кинулись мне наперерез. Я избавился от одного запрещенным приемом бокса, свалил другого с ног обычным ударом кулака, но тут третий, незаметно подкравшийся сзади, хватил меня прикладом «винчестера» по голове.

После этого, наверное, меня долго били ногами, но я уже мало что чувствовал.

4

Они приволокли меня обратно в ту же комнатку на самом верху. Так как я долго не приходил в себя, то кто-то сбегал за водой, которой меня окатили так щедро, словно я был русалкой, выброшенной на берег.

После этого мне связали не только руки, но и ноги. Федерико встал возле меня с револьвером в руке, и Санчес снова начал требовать, чтобы я раскрыл ему, где находится тайник. Нос у бордельного магната был сломан, и вообще последний являл собой довольно жалкое зрелище.

– Санчес, – ухмыльнулся я, – зачем тебе такие деньги? Бабы у тебя есть, имей – не хочу, дом – полная чаша. Ты же все равно не сможешь потратить миллионы. А сынок твой уже сдох, ему они тем более не пригодятся...

Санчес завизжал, как взбесившаяся кошка. На губах у него выступила пена, он подскочил ко мне и стал пинать меня. Это был слабый мужчина, и удары, которыми он осыпал меня, были не больше шлепков, которыми снисходительная мамаша награждает не в меру разошедшегося шалуна-младенца.

– Не смей так говорить про моего сына! – кричал он. – Убью! Ублюдок, паскуда, гринго!

– Санчес, к чему такие слова? Мы же с тобой партнеры, разве забыл?

Он ничего не забыл и перестал пинать меня. Запыхавшись, он повалился в кресло, но тут у него снова пошла кровь из разбитого носа, и повелитель шлюх опять начал ругаться последними словами. Выудив из кармана дорогой платок, Санчес стал вытирать кровь, но вот незадача: тот предназначался для городских пижонов, а для ран, полученных на поле боя, был совершенно бесполезен. Впрочем, оно и понятно: богатые очень дорожат своей кровью и стараются никогда не проливать ее.

– Кажется, сеньор Стил, я был не прав, когда попытался по-хорошему договориться с вами, – прошипел Санчес, когда спокойствие вновь вернулось к нему. – Вы не понимаете хорошего обращения. Что ж, придется действовать по-другому. С вами или без вас, но я все равно найду этот тайник.

– Дурак ты, Санчес, – сказал я ему. – Неужели до тебя так и не дошло, что я знать ничего не знаю ни о каком тайнике? Я выиграл этот булыжник в Париже у одного парня, который дымил, как паровоз, но все равно воняло от него меньше, чем от тебя.

– Не отпирайся, амиго, – промолвил Санчес, качая головой. – Я знаю, что тебе известно, где алмазы, и ты меня к ним приведешь.

– Я приведу тебя в ад, – жестко ответил я. – К твоему ублюдку. То-то вам будет хорошо вместе!

– Может, пристрелить его? – предложил Федерико, который не мог слышать, как я поношу и оскорбляю его хозяина.

– Нет! Он знает то, что нам нужно. Выиграл алмаз в карты, ха... И ты хочешь, амиго, чтобы я поверил в эту детскую сказочку? Санчеса так просто не проведешь!

Мне было все равно. Я сказал чистейшую правду, но мне никто не верил. Тем хуже для них.

После этого угрозы, уговоры и увещевания продолжились. Санчес то грозился разрезать меня на такие мелкие кусочки, что даже ангелы в день Страшного суда не сумеют меня собрать, то клялся, что облагодетельствует, как родного сына. Я отвечал в том духе, что его сыном не хотел бы быть ни за какие коврижки. Это его разозлило. Откровенно говоря, я не сомневался, что в конце концов меня все равно убьют, но не собирался из-за этого упустить последней возможности покуражиться. В ярости Санчес ушел за дверь, а Лопес сел на стул и

стал лениво щелкать складным ножом, то открывая его, то закрывая. Когда Санчес вернулся, я заметил, что он переменял рубашку – прежняя была заляпана кровью, шедшей из носа.

– Пойми, – почти жалостливо сказал он, – ты в моих руках, амиго. Этот город – мой, я держу его, и тебя никто не хватится.

– А хозяин в гостинице?

– Ты заплатил ему за два дня и через два дня съехал среди ночи, – объяснил Санчес и развел руками, его лицо сияло. – Обычное дело для наших мест. Какие могут быть претензии? Вещи твои мы тоже забрали. Пойми, амиго: я могу сделать с тобой все, что захочу, и я не шучу!

– Это твои шлюхи говорят своим клиентам? – поинтересовался я невинно.

Санчес тут взбеленился, и я испугался, что у него вновь пойдет кровь из носа.

– Ты еще пожалеешь об этом! – закричал он, брызгая слюной.

Что ж... Как говорил один русский граф, которого я обыграл в Новом Орлеане пару лет тому назад, *двум смертям не бывать, а одной не миновать*. Через неделю граф застрелился, но его слова я никогда не забывал.

– Ты можешь делать со мной все, что тебе заблагорассудится, – сказал я беззаботно, – но я все равно не смогу выдать того, чего не знаю.

– Это мы еще посмотрим... – с угрозой отозвался Санчес. Он отвел в угол Лопеса и что-то шепнул ему, после чего церемонно кивнул мне и удалился.

Меня вывели из дома и усадили на мула. Человек семь или восемь всадников окружили меня плотным кольцом. Занималось утро, и у дороги, свернувшись кольцом, лежала гремучая змея. Мы спугнули ее, она гибко развернулась и потекла прочь.

Проехав примерно с полмили, мы оказались за городом, в уединенной рощице, где нас никто не мог увидеть. Недоброе предчувствие начало покалывать мне сердце. Лопес стащил меня с седла, а Федерико услужливо поднес моток веревки, которую зачем-то, я видел, прихватил с собой из дома. Теперь я, конечно же, понимал, зачем он это сделал.

– Прощайся с жизнью, гринго, – просто сказал Лопес, закрепляя один конец веревки на дереве.

Ужасно вот так запросто быть повешенным... Меня держали с обеих сторон, и все же я попытался вырваться, но получил только удар по почкам. Лопес знаком приказал подтащить меня поближе к дереву.

– Ты надоел сеньору Санчесу, – бросил он коротко. – И мне тоже. В последний раз спрашиваю тебя: где тайник?

Чтобы не доставлять Лопесу удовольствия, я широко улыбнулся и плюнул ему в лицо. Он спокойно вытер плевок, угодивший ему точно в глаз, но я видел, что скулы у него побелели, несмотря на загар. Прочие бандиты застыли в изумлении. Очевидно, прежде никто не смел так с ним обращаться.

– Прощай, гринго, – сказал Лопес, и петля сомкнулась на моей шее.

И вот теперь я танцевал на самом краю скользкого камня, изо всех сил пытаюсь не сорваться с него, ибо тогда петля захлестнулась бы и жизни Риджуэя Стила, только-только достигшего тридцати семи лет, наступил бы конец. Люди умирают и в пять лет, и в двадцать, и в сорок пять, и даже в сто, но статистика мало утешает, когда речь идет о таком неповторимом и талантливом существе, как ты сам.

– Выбирай, – спокойно говорил Лопес под смех своих дружков, – или ты говоришь нам, где тайник с алмазами, или... Да примет господь твою грешную душу, гринго, ибо лично мне она ни к чему.

Он стоял, скрестив руки на груди, и невозмутимо наблюдал за мной. Я почувствовал, как веревка чуть-чуть натянулась, и откинул голову назад, но в результате получилось только

хуже, потому что веревка натянулась еще сильнее. Да, замысел подвесить меня был хорош, но меня самого он никак не устраивал. Может быть, лучше признаться в том, что я готов открыть, где находится этот чертов клад, и предложить отвести к нему? Потому что, честно говоря, я уже устал от своих балетных па на пороге смерти.

– Мир вам! – прогремел чей-то мощный баритон из-за деревьев, и в то же мгновение темная фигура отлепилась от ствола пальмы.

Это был монах. Возможно, один из тех, что молились у гроба Франсиско Санчеса. Он был в рясе и накинутом на голову капюшоне, из-под которого сверкали необыкновенно колючие глаза.

Меня так поразило его неожиданное появление, что я едва не свалился с камня. Но и бандитов оно мало обрадовало. Лопес направился к монаху.

– Падре, вам тут нечего делать, – проговорил он неприязненно. – Идите и забудьте о том, что вы здесь видели.

– Аминь! – возгласил монах, осеняя себя крестным знамением. – Но я с сожалением вижу, что вы казните грешника без отходной молитвы и обрядов, предписанных нашей святой матерью-церковью. – Он перекрестил Лопеса, и тот машинально склонился перед ним в почтительном поклоне. – Нечестивцы! Следовало бы сначала исповедовать его, ибо перед богом надо представать с чистой совестью.

– Мы и так пытаемся его исповедовать, – с кривой усмешкой ответил Лопес, – да он что-то не хочет. – Он сделал шаг вперед, отесняя монаха к кустам. – Ступайте, падре. Вам тут не место.

– Что ж, – печально молвил монах, – будем надеяться, что вы достойны той благодати, которую я призываю на вас.

– Что за благодать? – фыркнул кто-то из бандитов.

– А вот эта, поганцы!

И два револьверных дула насупленно глянули из рук монаха. И изрыгнули свинец.

Лопес свалился первым с дыркой в голове. Остальные, похоже, так растерялись, что и не поняли, что происходит. Когда дым развеялся, я увидел, что все бандиты лежат на земле убитые, а монах невозмутимо перезаряжает «кольты», достав из-под рясы горсть патронов.

От такого зрелища я, забыв об осторожности, изумленно дернулся и все-таки свалился с камня, забарахтался в воздухе. Все заплясало у меня перед глазами, постепенно теряя очертания.

– Помо... – прохрипел я, болтаясь между небом и землей, как воздушный змей.

Монах поднял револьвер, прицелился и выстрелил. Пуля перебила веревку над моей головой, и я свалился на землю с обрывком удавки на шее. Снять ее я не мог, потому что руки у меня были связаны, но мой спаситель в два счета перерезал путы ножом.

Первое, что я сказал, когда наконец сбросил проклятую веревку и мог вздохнуть полной грудью, было:

– Не знаю, кто вы, святой отец, но я обязан вам жизнью.

Он искоса посмотрел на меня, спрятал оружие под рясу и откинул капюшон.

Передо мной стоял человек примерно моего возраста, светловолосый, со светлыми бровями и треугольным, сужающимся к подбородку лицом, на котором резко выделялся жесткий неулыбчивый рот. Глаза, как я уже говорил, были серые и колючие, льдистые.

Словом, если этот парень был католический монах, то я – папа римский.

– Твое счастье, что я случайно оказался поблизости, – заметил он. – Иначе ты бы уже беседовал со святым Петром.

– О, я недостоин такой компании! – отозвался я и протянул ему руку. – Риджуэй Брэдфорд Стил.

Он не пожал мою руку. А лишь кивнул белобрысой головой.

– А я – Стив Холидей.

Мне это имя ничего не сказало. Но не исключено, что он сам только что выдумал его. У человека, который так владеет оружием, могут быть веские на то причины.

– Кажется, я уже видел тебя прежде, – сказал я.

Показалось мне или он и в самом деле досадливо поморщился?

– Ты молился у тела Франсиско, пришел как раз вслед за мной. Скажу честно, для монаха ты здорово стреляешь.

– Я не монах, – ответил он спокойно.

– А кто?

– Гробовщик.

Вот тут, признаться, я малость растерялся. Честно говоря, я не очень жалею гробовщиков, как и всех, для кого мертвое тело – естественное состояние человека. Если бы этот парень сказал, что угоняет лошадей, или грабит поезда, или открывает сейфы дамской шпилькой, я бы поверил ему с ходу. Но гробовщик, да еще с такой фамилией!⁵

– Фью! И часто ты так доставляешь себе клиентов? – спросил я, кивая на окружающий нас натюрморт с трупами.⁶

Он впервые засмеялся, обнажив ровные мелкие зубы.

– Нет, не часто. Но случается. Чем ты им не угодил?

Я мог бы наврать с три короба, но мне было любопытно, как он воспримет правду.

– Они думали, что я знаю, где спрятано сокровище.

– А ты знаешь?

– Нет.

Он пожал плечами и двинулся через кусты чапарраля к тому месту, где была привязана его лошадь. И я понял: если бы ему даже сейчас сказать, где находится Эльдorado, он бы и то не остановился. Его это не интересовало, вот и все.

Отбросив колебания, я пошел за ним, но по пути задержался и подобрал с земли пару «кольтов». Они мне могли еще понадобиться, а вот их бывшим владельцам – вряд ли. Я сунул оружие под сюртук, Стив взял свою лошадь под уздцы, и мы зашагали по дороге.

– Это были люди Санчеса, – сказал я.

– А... – отозвался он.

– Ты его знаешь?

– Немного.

– А зачем проник в его дом? Просто так ведь никто не станет переодеваться монахом.

Он остановился и глянул мне прямо в глаза.

– Тебе-то что за дело?

– Если ты хочешь разделаться с Санчесом, я готов тебе помочь. Он едва не убил меня сегодня.

– Да, ты и впрямь неважно выглядишь, – согласился он. – На тебе живого места нет.

Я вытер кровь с разбитого лица. Ребра болели, почки ныли, но с каждым шагом мне становилось все легче и легче.

– Я у тебя в долгу, Стив. Может, я смогу для тебя что-то сделать?

– У тебя много дел в Ларедо? – спросил он.

– Никаких, – честно отозвался я.

Он подумал, почесал бровь.

– Может, ты и окажешься мне полезен. Там поглядим.

– Полезен в чем?

⁵ Holiday по-английски означает «праздник».

⁶ Натюрморт по-французски буквально означает «мертвая природа».

– Видишь ли, – серьезно сказал он, – дело в том, что я ищу одну леди.

5

Это прозвучало так неожиданно, что на мгновение я даже опешил.

– Леди?

– Ну да.

– Чтобы ее похоронить? – осведомился я на всякий случай.

– Что ты! – воскликнул он в неpritворном ужасе.

Может быть, от него сбежала жена? Однако по зрелом размышлении я отверг эту мысль. В интонации, с которой мой новый друг произнес простое слово «леди», было нечто чрезвычайно уважительное, и, конечно же, такой парень, как этот Стив, не стал бы так отзываться о женщине, которая его бросила. Не говоря уже о том, что я мог с трудом представить себе, чтобы он вообще позволил кому-то себя бросить.

– И кто же она тебе? – спросил я напрямик, устав ломать себе голову над всеми этими загадками.

Стив хмыкнул и почесал щеку.

– Да пожалуй, что никто. Я взялся отвезти ее обратно домой.

Ага, подумал я, значит, все-таки какая-то родственница.

– А ты уверен, что она в Ларедо?

– Она была здесь, – коротко ответил Стив. – Если хочешь знать, это она пристрелила Франсиско Санчеса.

Я повеселел: леди, убившая наследного принца лучшего техасского борделя, и гробовщик, с легкостью находивший клиентов с помощью своих двух стволов, составляли отличную пару.

– Ты чего улыбаешься? – спросил Стив.

Все-то он видит! Я поспешил напустить на себя серьезный вид.

– Значит, это она и есть?

– Угу.

– А имя у нее есть?

– Эмили. Амалия.

Мне встречалось немало девушек с именем Эмили, но об Амалии я слышал впервые и заинтересовался:

– А почему она оказалась у Санчеса?

– Ее украли.

Стив отвечал слишком лаконично. Опять же от себя могу добавить, что мне попадались девушки, ради которых можно было пустить на ветер состояние, не раздумывая пришить лучшего друга, напиться до потери сознания и даже научиться сочинять сонеты по-французски, но лично я не видел таких, которых кто-то пожелал бы умыкнуть. Впрочем, верно и то, что Санчес использовал разные способы для того, чтобы в его заведении всегда был первоклассный товар.

– Я опоздал всего на полдня, – сказал Стив со вздохом. – Когда я приехал в Ларедо, Франсиско уже лежал в гробу, а ее и след простыл. Я навел кое-какие справки и поехал вслед за ней, но похоже, что меня надули. Эта дорога ведет к сеньору Порфирио Диасу⁷, а ей надо на север.

– Ты уверен, что ей нечего делать в Мексике? – осторожно спросил я.

⁷ *Порфирио Диас* – глава Мексиканской Республики с 1876 года. Стив имеет в виду, что ему указали на дорогу, которая ведет на мексиканскую территорию.

– Конечно, уверен, – хмыкнул он. – И, если я что-нибудь соображаю, она пытается сейчас найти путь обратно. Конечно, она храбрая девушка, но боюсь, что ей в одиночку не справиться. Сейчас я найду того мальчишку, который сбил меня с толку, и если он не выложит, куда она поехала, я из него душу вытрясу.

Я нахмурился.

– Хорошо бы нам поспешить, – сказал я. – Ты знаешь, что Санчес объявил награду за ее голову?

Стив так резко остановился, что я даже испугался.

– Рассказывай! – велел он, схватив меня за плечо.

Я открыл ему все без утайки: семьсот долларов за живую, пятьсот за мертвую, по две-сти – за каждого из тех, кто ее привез.

Стив сжал челюсти, и на скулах его заиграли желваки.

– Вот ублюдок! Но соображает хорошо, надо отдать ему должное. За такие деньги ему достанут и луну с неба.

Мы приближались к городу, и гробовщик натянул капюшон на голову.

– Что будем делать? – спросил я, поглаживая оттопыривающиеся от «кольтов» карманы сюртука.

– Сначала заберем твою лошадь, – сказал Стив. – Ты же не можешь идти пешком.

Я выругался, вспомнив, что Санчес забрал мои вещи, и лошадь наверняка тоже.

– Ничего, – успокоил меня Стив, – мы нанесем ему визит. Но прежде поведемся с мальчишкой. Он видел, как она уезжала.

– А как мы его найдем?

– Он калека. Наверняка сейчас на улице просит милостыню.

– Диего? – неприятно поразился я.

Диего примостился у стены, взирая на мир все тем же взглядом горделивого волчонка. Стив подошел к нему и встал перед ним, упершись руками в бока. Завидев гробовщика, Диего слегка побледнел, но, естественно, не сдвинулся с места.

– Нехорошо обманывать людей, Диего, – сказал Стив со злостью. После чего пнул деревянную чашку, и две монетки, вылетев из нее, зарылись в землю. Чашка отскочила в сторону и бешено закружилась на месте.

– Я сказал вам правду, – возразил калека упрямо.

– Нет, амиго, ты послал меня на мексиканскую дорогу, где никакая леди со светлыми волосами не появлялась. Я спрашивал у всех встречных, и они это подтвердили.

– Может быть, они вам солгали? – предположил мальчик, дерзко глядя ему в лицо.

Гробовщик сделал такое движение, словно хотел схватить мальчика за ухо. Я удержал его руку.

– Стив, так не годится. Он же калека!

– А я плевать на это хотел! – выразительно объявил гробовщик. – Или он мне скажет, куда она поехала, или я сверну ему шею.

Диего нерешительно прикусил губу.

– Мне кажется, она могла свернуть на дорогу, которая ведет к Сан-Игнасио.

– И на какой лошади она была?

– На вороной.

– А прошлый раз, – угрожающе сказал Стив, – ты утверждал, на белой.

– Может быть, лошадь была серая в яблоках... – невинно заявил Диего. – Я плохо разбираюсь в мастях, падре.

Жилка на виске моего спутника часто затрепетала.

– Слушай, ты, маленький засранец...

– Стой, Стив! – Я потянул его за локоть. – Перестань.

– Да он нам голову морочит! – взвился гробовщик. – Пока мы здесь, Амалию сто раз могли убить, ты понимаешь это?

– Никто ее не убьет, – отозвался Диего. – А вам, сеньоры, должно быть стыдно, что вы польстились на деньги Санчеса. – Он покривил губы и сплюнул в пыль, выражая этим свое презрение.

– Мы хотим найти ее не из-за денег, – сказал я, – а потому, что ей угрожает опасность.

– Я вам не верю. – Ноздри Диего раздувались. – Вы хотите найти ее, чтобы отдать Санчесу и получить свои проклятые доллары. А на то, что он замучает ее до смерти, вам наплевать. Так вот: можете убить меня, но я вам ничего не скажу!

Гробовщик, рассвирепев, сделал шаг вперед, однако я оттащил его назад.

– Полно, Стив. Ты же видишь: он не будет говорить. Оставь его, у нас нет времени.

Я наклонился, подобрал чашку, положил в нее обратно монетки и добавил серебряный доллар из кармана. Диего недоверчиво следил за мной, и я потрепал его по голове.

– Ты молодец, парень. Друзей надо оберегать всеми способами, в этом ты прав. Никому не говори, куда она поехала и на чем... Пошли, Стив.

– Но я...

– Стив!

Гробовщик поглядел на меня так, словно я был привидением, тяжело покачал головой и последовал за мной.

– Какого дьявола, Ридж? Он сидел напротив борделя, когда она сбежала. Он мог нам все рассказать!

– Он и так нам все рассказал, – возразил я. – Просто ты невнимательно слушал.

– Да ведь это сплошное вранье!

– Отсей вранье и получишь истину. Сначала он направил тебя на запад, за реку, затем – на юг, к Сан-Игнасио. Думаю, она все-таки едет на север.

Стив тяжело вздохнул.

– Ну хорошо, допустим. А лошадь?

– Не вороная, не белая, но и не в яблоках. Какие-нибудь мысли есть?

Стив нахмурился.

– Черт побери! Ты думаешь то же, что и я?

– Да, я тоже думаю, что лошадь пегая. Поэтому мальчик и не хотел ничего говорить. Пегих лошадей не так-то много, и уж, конечно, всадника на ней отыскать проще простого.

– Знаешь что... – заговорил Стив в порыве откровенности, – я рад, что не дал тебя повесить.

– Я тоже этому рад, – скромно признался я. – Заглянем к Санчесу?

– Угу, – рассеянно сказал гробовщик и снял с седла «винчестер».

На языке штата Нью-Йорк то, что мы проделали в следующие десять минут, называется «незаконным проникновением в частное владение», но нам было все равно. Оглушив ручкой револьвера мерзавца, который совсем недавно вырубил меня в холле прикладом, я велел второму слуге, трясущемуся от страха, отвести нас к Санчесу. Гробовщик прикрывал меня со спины.

Санчес нашелся в гостиной на первом этаже. Нос у него был фиолетовый, к тому же распух и сильно напоминал грушу.

– Buenas días, señor!⁸ – сказал я с порога.

Ибо, хоть ты и гринго, никому не повредит быть вежливым.

⁸ Добрый день, сеньор (исп.).

Федерико, стоявший у окна, выхватил револьвер и тотчас же получил пулю в грудь из «винчестера». Тихо стелая, кабальеро опустился на пол. Я ногой отшвырнул его «кольт» под кушетку.

– Мои вещи и мою лошадь, – промолвил я, глядя Санчесу прямо в глаза. – Попробуйте выкинуть что-нибудь – вам крышка. Должен сказать, мне доставит несказанное удовольствие пристрелить вас!

Санчес кивнул слуге, и тот исчез.

– Отправляйтесь за сокровищем, сеньор Стил? А это кто – ваш компаньон?

Он хотел выйти из-за стола, чтобы рассмотреть Стива поближе, но я сделал легкое движение рукой с «кольтом», и Санчес, побледнев, опустился обратно в кресло.

– Незаменимый человек, – сказал я, кивая на гробовщика. – Если потребуется, он может обеспечить вам похороны по высшему разряду. Правда, Стив?

– Всенепременно, – буркнул мой компаньон из-под капюшона.

– Вы рискованный человек, сеньор Стил, – проговорил Санчес с ненавистью.

Что можно было на это ответить?

– Чуть было не забыл! – сделал я вид, что спохватился. – Мой хрусталь, сеньор Санчес! Я чертовски им дорожу и в скором времени начну собирать целую коллекцию.

Санчес сунул руку в карман, и тусклый грецкий орех вернулся ко мне на ладонь. Я подбросил его и спрятал от греха подальше с глаз долой.

– Если вам понадобятся ваши ребята, – в порыве великодушия добавил я, – они валяются в рощице недалеко от мексиканского тракта, но уверен, что вам и так известно, куда они меня везли.

Санчес оскалился.

– Я этого не забуду, сеньор Стил.

– На это я и надеялся, амиго. Кстати, вам надо позвать доктора. Ваш нос испугает даже хоровую капеллу убийц в тюрьме Синг-Синг.

Слуга принес мою сумку и по знаку Стива отошел к стене. Я открыл сумку и заглянул в нее.

– Как странно, – сказал я. – Мой серебряный портсигар куда-то исчез. И томик Вольтера тоже нет.

Слуга метнулся к двери. Портсигар и Вольтер появились через полминуты.

– Похоже, писателя хотели использовать не по назначению, – со вздохом заметил я. – Что за время – никакого уважения к литературе!

Я положил вещи на место, взвалил сумку на плечо и, взяв Санчеса за шиворот, подтолкнул его к двери.

– Хороший хозяин всегда провожает гостей, так что вперед, амиго! Если ваши люди захотят открыть огонь, первым под пули попадете вы. Прошу.

Он хрипло крикнул за дверь: «Не стрелять!» – и вышел. У выхода нас и впрямь поджидало пять или шесть человек с ружьями, но, завидев Санчеса под прицелом, они попятились.

– Пусть бросают оружие, – скомандовал Стив. – Ну!

Слуги положили на пол ружья. Стив собрал их и швырнул под лестницу.

– После вас, амиго, – вежливо сказал я Санчесу, и мы вышли во двор.

Санчес дрожал всем телом: не то от гнева, не то от унижения, но уж, во всяком случае, не от страха. Стив бегло оглядел крыши и кивнул головой.

– Поехали, – коротко распорядился он.

– Мы еще увидимся, сеньор Стил! – бросил Санчес мне вслед.

– Да пошел ты...

Мы сели на лошадей и поскакали прочь из города.

6

Заходящее солнце было похоже на большую пьяную вишню, утонувшую в бокале с голубым вином. Стив ехал, пристально всматриваясь в следы подков, отпечатавшихся на дороге. Он снял ряску и убрал ее в сумку, а на голову натянул серую шляпу, в которой сразу же стал похож на человека. Что же до меня, то я только что пришел к выводу: бегать за девушками, по крайней мере за некоторыми, – занятие чрезвычайно хлопотное и утомительное. Я устал и проголодался, но гробовщику, казалось, все было нипочем.

По дороге мы расспрашивали встречаемых, не видели ли они кого на пегой лошади. Один *вакero* после недолгого раздумья признался, что видел девушку с белыми волосами, которая мчалась так, словно по пятам за ней гнались черти или разъяренные портнихи, которым она не уплатила по счету. При этом известии Стив заметно приободрился.

– Ну, слава богу, теперь мы ее найдем!

Однако день клонился к вечеру, а нашли мы только кролика, пару змей, пропасть комаров, стадо коров, троих вакеро, из коих один был мертвецки пьяный, старика-индейца с длинной трубкой, который ехал верхом на осле, и небольшой городок, лепившийся меж двух холмов. В городке блондинки тоже не оказалось.

Я полагал, что мы со Стивом там и переночуем, но он настоял на том, чтобы ехать дальше, и я скрепя сердце подчинился. «Кольты» болтались в карманах сюртука, придавая ему зловещий вид, пыль змеилась за нами облаком, и вообще мне уже начала надоедать вся эта затея. На юге Техаса полно лихих людей, и мне отнюдь не улыбалось ночевать неизвестно где под открытым небом. В это время всякий уважающий себя игрок должен сидеть за столом и назначать ставки, а вместо этого я глотал пыль и уныло перемещался от одного кактуса к другому. Вдобавок ко всем бедам у меня закончилось виски.

Стив неожиданно остановился. Я подъехал к нему и спросил, в чем дело. Он пальцем указал на какую-то грудку, лежавшую под каменным деревом. На ней копошилось с десятков грифов.

– Похоже, нас кто-то опередил, – мрачно сказал он.

Наверное, у Стива было орлиное зрение. Только приблизившись и выстрелом согнав грифов, я разглядел, что грудка состоит из трех обезглавленных тел – двух мужских и одного женского. Головы, судя по всему, были отрублены хорошо заточенным мачете.

– Роза, Педро и безымянный гринго, – сказал я. – Похоже, что все здесь.

Стив тяжело вздохнул и пробормотал сквозь зубы какое-то ругательство.

– Они впереди нас, – вздохнул он. – Они впереди нас, и они ищут ее. Иначе мы бы их встретили, если бы они повернули обратно.

– Они могли вернуться другой дорогой, – заметил я.

– Не могли, – коротко ответил Стив.

– Почему?

– Потому. Семьсот долларов – большие деньги.

Больше он ничего не сказал. Мы просто ехали бок о бок, пока не достигли следующего городка, где все же решили заночевать.

Гостиница была настоящей дырой, истинными постояльцами которой были не люди, а москиты, тараканы и клопы. Стив справился у хозяина, проезжали ли здесь его знакомые из Ларедо. Да, ответил тот, человек двадцать верхом. Возглавлял их Большой Доминго. И они везли с собой мешок. Наверное, с капустой, судя по его форме.

Я понимал состояние Стива, но ехать куда-то в ночь было чистым безумием.

– Они опережают нас на три часа, Стив. Наверное, они остановились на ночлег в следующем городе.

– Ладно, – буркнул он и отвернулся к стене.

Когда Стив заговорил снова, его голос поразил меня своей решимостью.

– Если они хоть пальцем дотронутся до нее, я убью их всех.

– Хорошая мысль, – заметил я. – А теперь не худо бы выспаться.

Утром я узнал, что Стив, пока я спал, схватил воришку-мальчика, проникшего в наш номер. Я готов был поклясться, что гробовщик заснул первым, но это мелкое происшествие еще увеличило то уважение, которое я к нему уже питал. Люблю людей, которые не дают себя провести.

Ночью мне снились алмазы, запертые в сердце лабиринта, куда я никак не мог проникнуть. Я видел их, но не мог дотронуться. Положительно, я слишком долго общался с Санчесом.

Когда мы снова тронулись в путь, я, не утерпев, рассказал Стиву всю историю.

– Да, я слышал об этих алмазах, – сказал он, поморщившись. – Люди окружного шерифа прочесали все, что могли, и ничего не нашли.

– Санчес полагает, что бандиты спрятали алмазы до лучших времен, так как их невозможно сбыть с рук, – заметил я.

– Вздор! – фыркнул гробовщик. – Сам посуди: в банде их было девять человек. Как они могли что-то где-то спрятать, зная, что любой из них может спокойно вернуться и выкопать сундук? Чепуха это. Либо они поделили алмазы и разошлись – но тогда непонятно, какого дьявола они же в следующем месяце напали на экспресс Остин – Сан-Антонио. Либо...

– Либо – что? – спросил я с любопытством.

– Не верю я в бесследно исчезающие сокровища, Ридж, – заявил гробовщик. – Может, тот сундук вообще был пустой, а? Может, кто-то опорожнил его еще до того, как его погрузили на поезд? Может, это нападение вообще было для отвода глаз?

Подобная мысль даже не приходила мне в голову.

– Однако груз принадлежал весьма уважаемой компании, – возразил я.

– Да? Что ж эта уважаемая компания не смогла обеспечить такому ценному сундуку приличную охрану?

Каждый его новый довод бил прямо в яблочко.

– И все-таки, судя по всему, один камень сумел просочиться, – заметил я.

– Да? А откуда ты знаешь, что твой камень из того сундука?

Я прикусил язык.

– Пожалуй, ты прав, Стив. Все это ерунда.

– Вот они! – произнес он вдруг угрюмо, показывая на дорогу. Воскликание моего спутника было совсем не по теме, и я не сразу сообразил, о чем он говорит.

– Люди Большого Доминго. Видишь, какой широкий след? И все всадники.

– Мне Доминго показался не таким уж большим, – заметил я. – Я видел его в баре.

Стив доходчиво объяснил мне в немногих словах, отчего приземистого Доминго называют большим.

– Говорят, он этой штукой может гвозди забивать.

– Черт возьми! – воскликнул я. – А как насчет того, чтобы сбивать масло?

И мы оба расхохотались.

– Запомни: Доминго – опасный мерзавец, – через пару минут сообщил Стив. – Не заблуждайся на его счет.

Судьба, очевидно, благоволила к нам. Потому что шагов через сто нам повстречалась старая мексиканка, у которой мы поинтересовались, не видела ли она кого на пегой лошади, которую у нас угнали.

– Кажется, нет, – покачала она головой. – Хотя погодите: вчера видела сеньориту на пегой лошади. Та свернула направо на следующей развилке.

Говорила ли она об этом еще кому-нибудь? – заволновались мы. Но она ручалась, что нет.

Доехав до развилки, Стив облегченно вздохнул. Весь отряд Большого Доминго повернул налево, на тракт, ведущий в Сан-Антонио. Вправо ответвлялась лишь узкая тропинка, заросшая травой.

– Скоро мы ее найдем, – приободрил меня Стив.

– Хорошо бы, – честно признался я. – Потому что, Стив, я в жизни так не гонялся ни за одной девушкой.

Моя шутка оставила его равнодушным.

– Похоже, – рассуждал гробовщик, задумчиво потирая подбородок, – они не знают, что она едет на пегой лошади, но зато им известно, из каких мест ее привезли, и туда-то они как раз и направляются.

– Ну, знаешь ли, лошадь – далеко не главное, – возразил я. – Любой встречный запомнит блондинку с белой кожей, которая к тому же скачет, не разбирая дороги. Кстати, она и впрямь блондинка?

– То есть?

– Я имею в виду, настоящая блондинка?

– Еще как!

– Уверен?

– Да разрази меня гром!

– Тогда понятно, почему Санчес отвалил за нее триста пятьдесят долларов.

Стив покосился на меня, но ничего не ответил.

– Ты ее жених или как? – продолжал я пытаться его.

– Отвяжись, – буркнул мой новый приятель.

– Я серьезно, Стив.

Он фыркнул.

– Что я могу ей предложить особенного? Местное кладбище?

– Ну, это уж чересчур, – сказал я.

– Она была гостьей полковника Ричардсона, – пояснил Стив, – а полковнику я кое-чем обязан. Когда она пропала, он попросил меня найти ее и доставить обратно.

– Только и всего? – спросил я, несколько разочарованный.

– Только и всего. Кроме того, Ридж, я не сказал самого главного. Она замужем.

– Значит, мне не повезло, – уныло констатировал я.

До нашего слуха донесся плеск реки, и через несколько мгновений мы оказались на берегу. Это был один из притоков Рио-Гранде, насколько я мог судить – ведь я никогда прежде не бывал в этих местах. Вода была такая прозрачная, что было видно, как на дне плещется рыба. На песке четко отпечатались следы подков.

– Она перешла через реку? – высказал я предположение, видя, что следы обрываются у воды.

– Похоже на то. Нет, погоди... Стой, где стоишь, а я пока посмотрю.

Стив спешил и стал изучать следы.

– Да, скорее всего, это ее лошадь. Настоящая скаковая – смотри, как лежат отпечатки! Похоже, что свидетели не врал, когда говорили, что она неслась, как стрела. Она заехала в реку. Погоди...

Он вновь поднялся в седло и пересек реку вброд, взбивая фонтаны брызг.

– Нет, тут следов нет, – доложил он, возвращаясь на берег. – А здесь...

Он поднял голову, и я заметил, что он побелел, как полотно.

– Черт! Смотри, следы второй лошади! А это что? Проклятье!

Я подъехал ближе. Песок на берегу был изрыт и свидетельствовал, как любят писать в книгах, о яростной борьбе. Я заметил несколько пятен крови, но небольших. Впрочем, кровь, наверное, уже успела впитаться в песок. Кое-что еще бросилось мне в глаза: неглубокая полоса, ведущая к реке, как будто кто-то тащил туда человеческое тело. На Стива было страшно смотреть. Он заметался.

– Так, это следы ее ног... Заостренный носок туфельки... Прекрасно. Вот, она ходила здесь... Следов лошади нет. Наверное, та зашла в реку и пила воду. Черт, трава! На траве ничего не видно! А вот и второй... Он появился не с дороги, а сделал круг. Хитрая сволочь! Вот он выезжает из-за деревьев... Они схватились...

Стив, стиснув челюсти, с напряженным лицом и застывшей меж бровей складкой изучал следы, пытаясь определить, что же произошло на том месте, где мы сейчас стоим.

– Эти ямки – следы шпор. На нем были шпоры, а на ней не было. Кто-то остался лежать. Опять трава! Но тело точно стащили в реку. Она? Или тот, второй? О черт! А мы в это время дрыхли в десятке миль!

Он разразился ругательствами.

– Вот две лошади, они ускакали вместе... На пегой кто-то сидел, но отпечатки второй менее глубокие, чем прежде. Значит, на ней не было седока.

– Стало быть, она уехала на своей лошади, – подытожил я. – А труп того, кто на нее напал, бросила в реку. Наверное, это был один из тех, кому Санчес посулил награду, – ведь не все жаждущие награды объединились вокруг Большого Доминго.

– Ты думаешь, она жива? – спросил Стив с надеждой.

Я хотел бы так думать. И я сказал:

– Конечно. У меня создалось впечатление, что эта Амалия – девушка, которая в обиду себя не даст...

Мой спутник опустил на колени и стал осторожно разгребать песок дрожащими пальцами.

– Смотри, патрон... Сорок пятый калибр.

– «Кольт»-«громовержец»?

– Да. Но это не гильза.

– То есть он не отстрелян?

– Нет. Чудно...

– Когда она бежала, – размышлял я, – наверное, при ней было оружие... То самое, из которого она уложила Франсиско...

– То было сорок четвертого калибра, Ридж. Она застрелила его из его же пушки, а он всегда носил с собой сорок четвертый. Я хорошо знал этого ублюдка.

– Сколько лет ты его не видел? – спросил я напрямик.

– Кого?

– Франсиско.

– Четыре года.

– За четыре года он мог пристраститься к сорок пятому калибру, Стив. Куча бандитов предпочитает именно это оружие.

– Да нет, вряд ли он мог... Хотя не знаю. Может быть.

Я не понимал, отчего его лицо вдруг так посуровело. Он наклонился и подобрал с песка несколько белокурых волосков.

– Ридж... Это ее волосы.

Они были очень светлые. Не золотистые, не пепельные – просто светлые волосы, без всякого оттенка. Я подумал, что Амалия, наверное, и впрямь была очень хорошенькой. Почему-то я думал о ней в прошедшем времени, и это было неприятно.

Гробовщик нырнул в кусты, обследуя все кругом дюйм за дюймом. Я решил, что на самом деле он не так равнодушен к Амалии, как ему хотелось показать.

– Стебли травы оборваны... Тут был тот, что со шпорами, и травинки зацепились за них. Он ходил то туда, то сюда... Еще один патрон... Какого черта!

– Тоже неотстрелянный? – спросил я.

– Да.

– 45-й?

– Да. Кажется, здесь я все оглядел... Надо бы еще...

Он избегал моего взгляда, и я понял, что он пришел к тем же выводам, что и я.

Никто и никогда больше не увидит Амалию. Следы крови и волоски на берегу доказывали это. Но Стив все еще продолжал верить, что мы, может быть, ошибаемся.

Я зажег вторую папиросу. Краем глаза я увидел, как гробовщик вошел в воду и наклонился, шаря рукой на дне.

Когда он повернулся ко мне, я оторопел.

– Зацепилось за камень на дне, – сказал он глухо.

Это был обрывок женской блузки, вероятно, когда-то чаровавшей всех окрестных модниц. По бурым пятнам, покрывавшим его, было ясно, что недавно он был насквозь пропитан кровью.

7

– Значит, она умерла, – сказал я.

Стив бросил на меня тяжелый невидящий взгляд, потом перевел глаза на лоскут, скомкал его и сунул в карман.

Я ждал, что он начнет проклинать судьбу и жаловаться на весь свет. Во всяком случае, именно так поступили бы на его месте девять десятых человечества. Стив же только сказал:

– Ну хорошо... – Но тон его мне не понравился.

После этого Стив извлек на свет божий свои «кольты» и проверил, как следует ли они заряжены. Между бровей гробовщика залегла глубокая складка, рот сжался в одну прямую линию.

Он спрятал свои карманные пулеметы, подошел к своей лошади и вскочил на нее так легко, словно всю жизнь работал объездчиком в ковбойском лагере, а не стругал футляры для своих ближних, переставших быть таковыми.

Я дивился все больше и больше. Стив сдвинул шляпу на лоб и, подъехав ко мне, протянул раскрытую ладонь.

– Прощай, Ридж. Приятно было познакомиться. Береги себя.

Я пожал ему руку. Она была холодной, как лед, и я забеспокоился. Так, самую малость.

– Ты куда?

– Хочу найти этого типа, – сказал гробовщик просто.

– А когда найдешь, тогда что?

– Он у меня пожалеет, что родился, – коротко ответил Стив.

Бог знает, почему, но я поверил ему. Стив Холидей определенно принадлежал к числу людей, которые всегда выполняют свои обещания.

– Одного я тебя не отпущу, – сказал я ему.

Гробовщик вздохнул и покачал головой.

– Нет, Ридж. Это личное дело.

– Я и не спорю, – согласился я. – Я просто говорю, что поеду с тобой, вот и все.

– Ты же игрок. Зачем это тебе?

– Не люблю, когда обижают женщин.

– Ладно, – согласился он без особого энтузиазма. – Но помни, что ты свободен. Если захочешь бросить это дело, я тебя не виню.

– Полно, Стив, – сказал я ему. – Если я захочу уйти, меня не удержит вся американская армия.

Тень улыбки скользнула по его хмурому лицу. Он тронул поводья, и мы двинулись на поиски счастливчика, заработавшего пятьсот долларов, которые – я был совершенно в этом уверен – ему не суждено получить. Ибо уже достаточно узнал своего спутника.

– Если я хоть что-то смыслю в этом деле, – рассуждал Стив, – он должен был поехать обратно в Ларедо, чтобы затребовать свои деньги.

Однако его ожидания не оправдались. Отпечатки подков неоспоримо указывали на то, что неизвестный едет по направлению к Сан-Антонио. Некоторое время мы ехали по следу, но вскоре неизвестный свернул с дороги, и мы потеряли его.

– Куда теперь? – спросил я.

– Вперед, – бросил Стив с непонятным ожесточением. – Человек обычно едет вперед, а не назад, ты знаешь это?

– Стив, а может... – начал я.

– Никаких «а может»! – отрезал он. – Встретим кого-нибудь, спросим у него, не видел ли он всадника на пегой лошади и с порожней в поводу.

«Кто-нибудь» оказался девушкой. Причем прехорошенькой. Я приподнял шляпу и задал вопрос. Красавица немного подумала.

– На пегой лошади? Ах да! На ней ехал американский кабальеро, только он был один, и никакой другой лошади я не заметила. А зачем он вам?

– Он конокрад, – сказал я, – увел у нас лучшего скакуна. Вы не скажете, как он выглядит?

– На нем была шляпа, – объявила красавица.

Сколько ни живу, все равно не перестаю удивляться женщинам.

– Какая шляпа? – спросил я.

– Довольно пыльное сомбреро, знаете ли. – Девушка сверкнула белыми зубами. – Честно говоря, он не походил на конокрада. Такой красивый молодой кабальеро. И волосы у него светлые-светлые... – Последнее слово она произнесла со вздохом и осуждающе покосилась на меня. Между прочим, я брюнет с проседью – то, что называется «перец с солью». Я улыбнулся как можно любезнее, показывая, что и брюнеты могут быть сносными людьми. – Да, и еще у него был платок на шее. Очень красивый платок, я никогда в жизни не видела ткани подобного цвета.

Что-то щелкнуло в моем мозгу.

– Платок?

– Да, сеньор.

– Случайно не цвета неспелой сливы? – спросил я.

Красавица с испугом уставилась на меня.

– Сеньор, вы что, ясновидящий?

– Бывает иногда, – сказал я, прощаясь с ней.

– В чем дело? – хмуро осведомился Стив, когда мы снова тронулись в путь.

Я обернулся к нему.

– Кажется, я знаю, о ком идет речь. – И я рассказал гробовщику о парне, который едва не наехал на меня в Ларедо.

– Ты уверен, что это он? – недоверчиво спросил Стив.

– Теперь, когда девушка упомянула о платке, – да.

– Ну-ка, опиши мне его подробно!

Чтобы сосредоточиться как следует, я глотнул виски из фляжки, которую предусмотрительно наполнил вчера вечером в гостинице.

– Так... Волосы светлые, телосложение худощавое. С виду – лет шестнадцати или около того. Черты лица правильные, цвет глаз я не заметил. В общем, симпатичный парень, тут сеньорита не наврала. Особых примет – шрамов или родинок – я не разглядел.

– Ерунда все это, – отмахнулся Стив. – Какого он был роста?

– Почему мне знать? – отозвался я, пряча фляжку. – Я и видел его с минуту, не больше. Стив окинул меня критическим оком.

– Пять футов девять дюймов⁹, – сказал он.

– Что?

– Твой рост. Видишь, это совсем несложно.

– Стив, – промолвил я серьезно, – не надо меня измерять, это преждевременно. И к тому же плохая примета.

– Его рост пять с половиной футов¹⁰, – сказал Стив угрюмо.

– Что? Так ты парнишку тоже знаешь?

– В глаза не видел.

⁹ Около 175 см.

¹⁰ Около 167 см.

– Он действительно показался мне не очень высоким, – заметил я задумчиво. – Я еще подумал, что он похож на подростка.

– Черта с два! – свирепо фыркнул Стив. – Подросток, тоже мне! Это Билли Мэллоун по кличке Пуля, мерзавец и ублюдок, каких мало. Он родом из Нью-Мексико, но ему пришлось бежать оттуда, когда он убил шерифа. Его схватил его же бывший дружок – за награду, ясное дело, – и сдал властям, но он опять сбежал. – Стив смачно сплюнул. – Недолго ему осталось бегать.

– Черт возьми! – сказал я, ошарашенный. – А ведь это и впрямь он! Я же читал разыскной лист на него. «Выглядит моложе своих лет», – сказано там. И еще, что он бесподобный стрелок, и так далее... Конечно, это он! Последний раз он удрал, когда его везли к месту казни.

Стив разразился длинной тирадой, смысл которой сводился к тому, что Билли Пуля был ему здорово не по душе. Я вполне отдаю себе отчет в том, что эти строки могут попасться на глаза ранимой леди нежного возраста, а потому истинные слова гробовщика унесу с собой в могилу, ибо они у любого, не только у леди, отбили бы охоту читать эти незамысловатые страницы.

– Однако я кое-чего не могу понять, – признался я. – Куда девалась вторая лошадь? И почему он сначала ехал в Ларедо, а теперь движется обратно? Как же он рассчитывает получить награду от Санчеса?

– Никак, – угрюмо отозвался Стив. – Я думаю, ему вообще не нужна награда. Он убил Амалию, потому что ему понадобилась резвая лошадь, вот и все. Такие, как Пуля, убьют за один ржавый никель¹¹. Думаешь, зря у него в двадцать лет репутация самого отъявленного бандита в этой части света? А ведь на такое звание претендует столько подонков, что хватит на дюжину тюрем и еще останется!

Я полагал, что Стив уже израсходовал свой запас ругательств, однако по тому, что услышал в последующие несколько минут, пришлось заключить, что здорово ошибся. Никогда я не думал, что английский язык включает в себе такие возможности для выражения эмоций.

Боюсь, что Стив все же переборщил в своих богохульствах, ибо разгневанные небеса неожиданно разверзлись, и пошел ледяной дождь. На наше счастье, менее чем через час мы нашли пристанище в ближайшем городке. Чтобы согреться, я одним махом опустошил в салуне полбутылки виски, а вторую половину перелил к себе во фляжку. Одежда липла к телу, и ощущение было пренеприятное. Я подошел к очагу и вытянул ладони навстречу огню.

– Скажите, тут до нас не проезжал малый на пегой лошади?

Салун содержала женщина лет пятидесяти, широкая в кости, неопрятная и суровая, с явно тяжелой рукой, крикливым голосом и необъятным бюстом. Она злобно воззрилась на меня и с грохотом задвинула ящик. Посетители, набившиеся в зал (а их тут собралось не меньше дюжины), стали шушукаться.

– Вы разумеете Билли Мэллоуна? – спросила хозяйка напрямик.

Я обменялся взглядом с гробовщиком.

– Да, он.

– А зачем он вам понадобился? – неприязненно осведомилась сия королева красоты.

Стив открыл рот, но я опередил его.

– Губернатор штата обещал пятьсот долларов за его голову, – сообщил я медовым голосом.

¹¹ Никелем в то время называлась монетка в 5 центов.

– Ну так вы опоздали, – заявила ведьма с плохо скрытым торжеством в голосе. – Мэллоуна повязал окружной шериф Фосетт. Прямо здесь, у меня. – И в подтверждение своих слов она энергично махнула тряпкой.

У Стива было такое лицо, словно он только что потерял близкого человека. Нет, всех своих близких разом.

– Когда это было?

– Пару часов назад. Парень попросил поесть, сел вон за тот стол. Не успел взяться за бифштекс, как его и повязали.

– Повезло ему, – вставил один из посетителей, здоровенный мужик с бороდიщей до пуза, – не довелось пробовать твой бифштекс.

Под грязным потолком взмыл нестройный кудахчущий смех. Ведьма подбоченилась и, тяжело развернувшись всем телом, уставилась на шутника так, что виски стало ему поперек горла, и он поперхнулся. Смех стал еще громче.

– Быстро же его взяли, – бесстрастно сказал Стив. Плечи его ссутулились.

– Да после того, как он сбежал, на каждом столбе развешаны листки с его описанием, чего тут удивительного? А заложил его местный забулдыга Зак Питерс, не иначе. Он целыми днями торчит у меня в салуне, а сегодня, как только этот парень появился, я смотрю – Зака и след простыл. Даже пойло свое не допил. Вот я удивилась! А потом он явился сюда с шерифом. Но у Зака в голове, видно, совсем негусто, если он решил, что Фосетт будет с ним наградой делиться. Всем известно: шериф – сволочь!

Она яростно колыхнула телесами и сверкнула глазами, словно желая прожечь во мне две дырки. Я почувствовал, что мне и так жарко, и отошел от камина.

– Значит, шериф Фосетт... – пробормотал Стив. – А куда он повез его, вы случаем не знаете?

Я метнул на него острый взгляд. Уж не собирается ли он отбить Мэллоуна у представителей закона?

Хозяйка пожала плечами.

– Может, в тюрьму, а может, и нет, – уклончиво сказала она, отворачиваясь, чтобы пере-считать деньги. – Десять, пятнадцать... Эл Симмонс – глава комитета бдительности и большой друг шерифа. А прозывают его Эл Вешатель, во как! Лично я думаю, болтается теперь ваш Билли где-нибудь на дереве и кормит стервятников. Двадцать семь, двадцать восемь... Шериф и раньше такие штуки с Элом проворачивал, чтобы зря не возиться с арестованными. Тридцать пять...

Двери в салун распахнулись. Стив отпрянул к стене и положил руку на «кольт». Створки придерживал человек, с полей шляпы которого ручьями текла вода. Где-то вдалеке брызнула молния, и почти тотчас же загремел гром.

– Заноси! – крикнул человек кому-то, находившемуся снаружи. – Живее!

И, повинувшись ему, четверо других за ноги, за руки внесли в салун обмякшее тело седого человека с серебряной бляхой шерифа на груди. Лицо его было мокрым и блестело от дождя.

Толстуха ахнула и подняла руки к лицу. Посетители, переговариваясь, стали подниматься с мест. Вслед за человеком с бляхой внесли три других тела.

– Ого, – обрадовался бородатый. – Да это же шериф и его помощники! Ничего себе! Что, Билли сбежал?

Я видел, как Стив вздохнул с облегчением и надвинул шляпу на глаза.

– Доктор Линдолл! – крикнул человек, который, по-видимому, командовал всем этим шествием с телами. – Посмотрите, может, еще что-то можно сделать?

Доктор неторопливо поднялся с места, вытер рот и подошел посмотреть. От других посетителей он отличался разве что тем, что руки у него были чище, чем у остальных.

– Наповал, – констатировал он, взглянув на шерифа. – Так... И этот убит. Этот тоже. Этот...

Все затаили дыхание, ожидая его вердикта.

– Наповал. Извини, Эл, я ничего не смогу сделать.

Хозяйка салуна наконец опомнилась от удивления и тотчас дала знать о себе.

– Вы что себе позволяете, черт побери? У меня тут что, полевой госпиталь?

– Заткнись, Марта! – отозвался человек в шляпе, которого звали Эл. Я понял так, что это и был тот самый глава комитета, которого упоминала хозяйка. – Джерри! Надо дать знать жене шерифа и остальным семьям. Господи! – Он снял с себя шляпу и прижал кулак ко лбу. – Как же... А еще этот треклятый дождь!

Однако Марта не собиралась отступить.

– Ты слишком много на себя берешь, Эл Симмонс! Вот что я тебе скажу: указывать ты будешь дома своей потаскушке, а эту падаль убирай отсюда немедленно!

– Как ты назвала мою жену? – взревел Эл, мигом забыв про убитого шерифа.

– Что, повторить? Шлюха! Потаскуха твоя жена!

Эл кинулся на Марту, но между ними вклинились здоровяк с бородищей и еще пара человек. Женщину и главу комитета растащили.

– Стыдно, Марта! – сказал бородач. – И ты остынь, Эл!

– Лучше расскажи нам, что случилось, – попросил человечек с кривыми, пожелтевшими от табака пальцами, в которых он вертел папиросу. Глаза у него были веселые, но холодные.

Эл тяжело опустился на стул.

– Билли Мэллоун... – Он поискал взглядом Марту и бросил: – Принеси чего-нибудь выпить, я больше не могу!

– Ну? – подбодрил его бородатый посетитель.

– Он сбежал! Что вы на меня так смотрите?

– Это мы уже поняли. Но как ему это удалось?

– Ай да Билли, ай да молодец!

– Как он это сделал? – допытывался человечек с холодными глазами. – Ведь я своими глазами видел – шериф отобрал у него все оружие!

– Не иначе, ему сам дьявол помогает, – угрюмо сказал Эл. – Шерифа и ребят перестреляли так быстро, что они даже револьверов достать не успели.

– Во дает Билли-Бой!

– Молодец, ничего не скажешь!

– Не хотел бы я такому становиться поперек дороги, – раздавались в салуне выкрики.

– А что делал в это время Эл Симмонс? Случайно прогуливался неподалеку со своими виджильянтами¹², а? – язвительно осведомился человечек.

– Нет, мне передали, что...

Глава комитета бдительности прикусил язык.

– Ладно, ладно! – рявкнул он на тех, кто, не жалея насмешек, потешался над ним. – Я только хотел... Ничего! Далеко он все равно не уйдет! Завтра же организуем облаву. Но теперь у меня к этому мерзавцу свой счет!

Стив подошел ко мне и тронул за плечо.

– Ридж, пора на боковую. Все, что нам надо, мы уже услышали, а завтра рано вставать. Нехорошо, если этот малый нас опередит.

¹² Члены так называемых «комитетов бдительности», задачей которых являлось искоренение нежелательных городских элементов – бандитов, шулеров и т. д., для чего нередко применялась расправа на месте, известная как суд Линча.

Я согласился. Марта предоставила в наше распоряжение две комнаты, и мы ушли, не дожидаясь, пока Эл исчерпает свои угрозы сделать с Билли нечто такое, отчего тот будет молить, чтобы его прикончили из жалости. Я понял только, что это должно было бы затмить все пытки Древнего Рима и Средних веков, но сомневаюсь, что Элу вообще было известно о существовании названных эпох.

8

Наутро мы поднялись ни свет ни заря. Дождь перестал лить, и сквозь разломы между облаками проглядывало чистое голубое небо. Мы взяли с собой впрок еды и питья и отправились в путь.

Стив вглядывался в дорогу, пытаясь среди отпечатков подков найти те, которые нам нужны, но их не было. После вчерашнего ливня песок превратился в желтую жижу. Лошади увязали в нем, сбивались с шага, и я, чертыхаясь, то и дело дергал поводья, выравнивая моего коня.

– Ридж, – сказал Стив серьезно, – помни, если ты бросишь это дело, я не буду на тебя в претензии. Ты ведь мне ничем не обязан.

– Спасибо, Стив, – отозвался я, – но я как-то не думаю, что моя жизнь – ничто.

Он грустно усмехнулся и больше ничего не сказал.

Спустившись с холма, мы услышали пальбу и увидели всадников, которые мчались нам наперерез, крича, чтобы мы остановились. Они стреляли в воздух с таким азартом, словно хотели достать кого-то, кто сидит над облаками, и не думаю, чтобы это ему понравилось. Стив досадливо сморщился.

– Эл Симмонс, чтоб его... – выдохнул он.

Глава виджиянтов подъехал к нам. Он неприязненно оглядел нас и только тогда опустил ружье.

– Какого черта! – выругался он. – Что вы тут делаете?

– А вы? – спросил я.

– Мы ищем типа, который застрелил окружного шерифа, – пролаял этот человечиска. – И я бы не советовал вам путаться у нас под ногами.

– Они охотники за наградой, Эл, – сказал кто-то у него за спиной.

Лицо Эла побагровело.

– Какого дья... – Он подъехал ко мне вплотную. – Вы ищете Билли Пулю?

– А если и так, что тогда? – спросил я, улыбаясь самой лучезарной из своих улыбок.

– Убирайтесь отсюда! – велел он и в подтверждение своих слов взмахнул рукой, в которой держал ружье. – Вас еще мне тут не хватало! И запомните: этот парень – мой. Я его сам возьму, так что проваливайте, покуда целы!

В продолжение этого разговора Стив держался позади. Я оглянулся на него, ища поддержки. Он молча мотнул головой в сторону, показывая, что пора кончать беседу, и я стал разворачивать лошадь.

– Ладно, – сказал я. – Надеюсь, именно вы возьмете Билли, а не он вас.

Я не собирался спорить с этим бешеным дураком, но неожиданно он воскликнул:

– А что здесь делает Отходная Молитва, хотел бы я знать?

Вопрос прозвучал так дико, что я решил, что ослышался. Однако в следующее мгновение Эл Симмонс вихрем проскочил мимо меня, приблизился к Стиву и сбил с него шляпу.

– Черт меня дер! – воскликнул Симмонс в возбуждении. – Это же Сид Бомонт, он же Отходная Молитва! Искали одного бандита, а нашли другого. Ну и чудеса!

Стив шевельнулся, и Симмонс тотчас же наставил на него ружье. Виджиянты окружили нас со всех сторон. Их было не меньше десятка, и мысленно я прикинул, что мы попали в скверную заварушку.

– Ни с места! – рявкнул Симмонс.

– Подбери шляпу, – сказал Стив спокойно. Губы у него побелели и едва шевелились. На меня он не смотрел.

– В чем дело, Эл? – полюбопытствовал кто-то из виджиянтов.

– В чем дело? – пронзительно прокричал Симмонс. – У нас в гостях знаменитый грабитель банков! Мистер Отходная Молитва собственной персоной!

– Это ты про меня? – удивился Стив.

– Про тебя, а про кого же еще? Фред, – скомандовал Эл одному из виджилянтов, – обыщи его.

– И что я, по-твоему, делаю в этой пустыне, если я грабитель? – осведомился Стив иронически. – Ближайший банк находится в Сан-Антонио. Или ты забыл об этом?

Виджилянты переглянулись.

– Я честный парень, который хочет заработать пятьсот долларов, – продолжал Стив. – А профессия моя – гробовщик.

– Ты – гробовщик? – Эл неприятно хохотнул. – Брось дурака валять, Сид! Я тебя сразу узнал, хоть ты и натягивал шляпу на самый нос.

– Я что, похож на привидение? – фыркнул Стив. – Тот парень был убит, даже я читал об этом.

– Верно, Эл, – неожиданно поддержал его Фред. – Отходную Молитву застрелили четыре года назад, так что ты ошибаешься, уверяю тебя.

Симмонс выглядел обескураженно, как ребенок, у которого отняли леденец.

– Да, Отходная Молитва уже протянул ноги, – добавил кто-то. – Это не он, Эл, тот бандюга уже давно мертв.

Однако Симмонс так просто не сдавался.

– Мертв, говоришь? – Он указал дулом на моего друга. – А это кто, по-твоему?

– У него спроси, – сказал Фред, пожимая плечами.

– Я уже сказал, я гробовщик, – ответил Стив спокойно. – Меня зовут Стив Холидей, и, уж конечно, я ни к каким молитвам не имею отношения. Убери пушку, парень. Ты что, на ссору нарываешься?

– Это ты на нее нарываешься, – ответил Эл, не сводя глаз с его лица. Он отвел ружье и держал его дулом вверх, готовый, однако, в любую секунду вновь нацелить его. – Значит, гробовщик, да? Это интересно. Но ты так похож на Сида Бомонта... Чем ты докажешь, кстати, что ты – не он?

– Могу сделать тебе гроб, – предложил Стив под сдержанный смех бдительных виджилянтов. – Если заплатишь, конечно.

– Нет, гроб мне не нужен, – поспешно сказал Эл.

– У тебя рост пять футов десять дюймов, – продолжал Стив невозмутимо. – У Фреда – пять футов и восемь... с половиной. Верно, Фред?

– Верно, – пробормотал Фред.

– Я свое дело хорошо знаю. Вон у того толстого коротышки рост пять футов четыре дюйма, например.

– Пошел ты к черту! – огрызнулся коротышка, выплевывая жвачку. В седле он походил на расплывшийся студень. – Брось его, Эл, и поехали. Нам еще надо найти этого ублюдка Пулю, а тут мы только зря время теряем.

– Я еще не закончил... Рост я назвал точный, а вот ширина нестандартная, – добавил Стив, в упор глядя на коротышку. Все рассмеялись. – Вы зря подозреваете меня, джентльмены.

– Ладно, ладно... – Эл убрал ружье и примирительно вскинул ладони. – Хорошо, ты гробовщик, о'кей. Я ошибся. С кем не бывает, в конце концов...

Он взял поводья.

– Подбери шляпу, – неожиданно повторил ему Стив.

Я уж было вздохнул с облегчением, что мы так дешево отделались, но по его тону я понял, что все только начинается.

– Чего? – Эл выглядел удивленным.

– Ты уронил на землю мою шляпу, – терпеливо объяснил Стив, – а она стоит денег. Подбери ее.

Лицо Эла налилось кровью, а в глазах вспыхнула злость. Он был, в общем-то, довольно привлекательным мужчиной, но когда краснел, вы бы уже этого про него не сказали.

– Слушай, парень, – сказал он, – за кого ты себя принимаешь?

– Шляпу... – процедил Стив сквозь зубы.

Эл Симмонс усмехнулся. Его краснота линияла на глазах, но линияла как-то пятнами, и по блеску его глаз я понял, что он затевает какую-то пакость.

– Ладно, мистер гробокопатель... – промолвил он и направился туда, где лежало сомбреро Стива.

Как бы случайно его лошадь наступила копытом на шляпу, отчего та отнюдь не выиграла в форме. Кто-то захихикал. Стив не шелохнулся. Симмонс ухмыльнулся, подцепил смятую шляпу дулом ружья и бросил ему в лицо с издевательской ухмылкой.

– Вот твоя шляпа, – сказал Симмонс.

Головной убор Стива снова упал на землю.

– Зря, – уронил Стив.

– Что зря? – с глупым видом спросил Эл.

– Ты это зря, – пояснил Стив с расстановкой. Глаза его превратились в два буравчика.

– Ты мне угрожаешь? – вскипел Эл. – Да ты знаешь, кто я? Я могу вздернуть тебя на дереве, и мне за это ничего не будет! Так что лучше возьми свои слова обратно, земляной червяк!

Они мерили друг друга взглядами. Стив спокойно улыбался уголками рта. Однако я заметил, что палец Эла, лежащий на спусковом крючке, слегка подрагивает.

– Интересно, – сказал Стив задумчиво, – твоя жена и впрямь такая шлюха, как ее расписывают?

Эл вскинул ружье, но выстрелить не успел. Стив выхватил из-под плаща два «кольта», кубарем скатился с седла и выстрелил еще в полете. Я открыл огонь с обеих рук. Симмонс стал сползать с лошади – две пули Стива попали ему в грудь. Виджилянты стреляли в нас, мы – в них, но в суматохе они ранили друг друга, а мы со Стивом действовали как одна команда. Пуля задела мне щеку, другая чиркнула по одежде, но даже не оцарапала кожу. Стив, стоя на одном колене, расстрелял два последних патрона, после чего мы быстро перезарядили барабаны. Похоже, что сражаться нам больше было не с кем: два человека навсегда покинули этот лучший из миров, как говорит месье Вольтер, остальные были ранены. Симмонс лежал на земле, тяжело дыша, и выглядел куда более смиренным, чем в обычном положении.

Стив сунул один «кольт» в кобуру, подобрал свою шляпу и покачал головой. Серое сомбреро потеряло всякий вид. Мне казалось, что с ним уже ничего нельзя сделать, но Стив так не считал. Ударом кулака он вернул шляпе форму и нахлобучил ее на голову, после чего не спеша подошел к Симмонсу, который судорожно пытался отползти от своего врага. Смотреть на это было неприятно. Большинство виджилянтов составляли лавочники, торговцы и их прилипалы. У них не хватало духу вступать в открытый бой со своим противником, зато они были мастера нападать всей кодлой на одиночного конокрада или отбивать у шерифа заключенных, чтобы повесить их на месте. Причем зачастую люди шерифа даже не оказывали должного сопротивления.

Симмонс ловил воздух ртом, глаза его расширились от ужаса. Стив поправил шляпу, поставил ногу на камень и доверительно наклонился к главе виджилянтов.

– Вот так, Эл, – мягко сказал гробовщик. – Другой раз не лезь на рожон, понял?

Симмонс слабо моргнул.

– П... п... понял.

– Вот и хорошо.

Стив снял ногу с камня, спрятал второй «кольт» и зашагал к своей лошади. Фред, поднявшись на локтях, смотрел на меня осоловелым взглядом. Одна нога у него была пробита.

– Черт возьми! – хрипло проговорил он и беззвучно выругался.

– Не подумайте чего дурного, – сказал я ему. – Но ваш начальник первый начал. Другой раз не берите себе в боссы дурака.

Стив был на полпути к своей лошади, когда Эл неожиданно привстал на месте. В руке главы виджиянтов блеснул «кольт».

Я не успел ни подать знак, ни предупредить Стива об опасности, когда он резко обернулся. Грянул выстрел, и Эл Симмонс пошатнулся. «Кольт» выпал из его руки. Стив стоял лицом к Симмонсу. Правую руку он держал в кармане плаща, и я видел темную дырочку, которую пуля оставила на ткани. Он выстрелил, даже не вынимая «кольт» из кармана.

Пуля попала Симмонсу в шею и пробила сонную артерию. Кровь хлынула фонтаном. Симмонс рухнул на бок. Губы его шевелились, он пытался что-то сказать, но потеря крови была слишком большой. Он умер через несколько минут.

– Все-таки он был не прав насчет гроба, – рассудительно заметил Стив. – Никогда не стоит зарекаться. – Он вынул руку из кармана, погладил дырочку на плаще и одним движением вскочил в седло.

– Черт возьми, – тоскливо сказал Фред, пытаясь перевязать рану на ноге, – здорово стреляете, мистер.

Стив пожал плечами, подбирая поводья.

– Я знал, что он выкинет нечто подобное. Потому и предоставил ему возможность. Все подлецы одинаковы: всегда норовят ударить в спину.

Он поднял воротник плаща и зябко поежился. Вновь начал накрапывать дождь.

– Плохо наше дело, – мрачно изрек Стив некоторое время спустя, когда лило уже как из ведра. Мы медленно двигались бок о бок по однообразной равнине, поросшей опунциями и низким мескитовым кустарником. – Дождь смывает все следы.

– Зато нас тоже не найдут, – заметил я.

– Это верно.

Однако мы не остановились до тех пор, пока не очутились за пределами округа. Все-таки противодействие виджиянтам – дело серьезное, и вряд ли нас погладили бы за него по головке. Нам встретилась небольшая испанская миссия, и мы решили задержаться в ней, пережидая дождь. Возглавлял миссию отец Хуан, и он заверил нас, что не видел ни пегой лошади, ни всадника на ней. Похоже, мы окончательно потеряли Билли Мэллоуна из виду, но мне не давала покоя другая мысль. Я вспоминал все, что знал о человеке по прозвищу Отходная Молитва. Его прозвали так за то, что он грабил банки, переодеваясь в одежду священнослужителя, и шутить с ним было опасно. Когда я впервые встретил Стива, он был одет именно монахом. Кроме того, стрелял он больно метко для обыкновенного гробовщика. Говорили, что Сид Бомонт убит четыре года тому назад, но его тело так и не было найдено, а Стив Холидей упоминал, что не видел Франсиско Санчеса, с которым у него явно имелись общие дела, как раз четыре года... Чтобы отвлечься от всех этих мыслей, я вытащил колоду и занялся тем, что ненавидел больше всего на свете, – стал раскладывать пасьянс. Подняв глаза, я встретил взгляд Стива.

– Держу пари, – хмыкнул он, – я знаю, о чем ты думаешь.

– Ладно тебе, – буркнул я и, смухлевая, изловчился-таки закончить пасьянс, что сулило мне исполнение всех сокровенных желаний.

– По-твоему, я похож на грабителя банков? – иронически спросил он.

– Но и на гробовщика ты не очень похож, – заметил я.

Он пожал плечами.

- Каждый становится тем, чем может, а не тем, чем хочет.
 - Чепуха, – возразил я. – Я всегда хотел стать игроком и стал им.
 - Ну, а я всегда хотел стать гробовщиком, – парировал он.
- Мы засмеялись, и я понял, что расспросы на эту тему бесполезны.

9

Последующие девять или десять дней мы провели в седле, прочесывая местность в поисках Билли Неуловимого. Дождь то лил, то давал себе передышку, то вновь начинал долбить нам темя с удвоенной силой. Мы заезжали во все встречные городки, наводили справки в миссиях, хижинах пастухов, на ранчо, которые попадались нам по пути, но знаменитый бандит как сквозь землю провалился. Впору было – по крайней мере мне – махнуть рукой на это дело и податься куда-нибудь во Фриско, отвести душу за карточным столом, но совесть не позволяла мне бросить Стива одного. Пару раз мы нарывались на бандитов, и приходилось в срочном порядке уносить ноги и прочие части тела. Кроме того, нас пытались обокрасть и увести наших лошадей. Словом, приключений хватало, и даже с избытком.

Стив, однако, не унывал. Он был уверен, что рано или поздно Билли нам попадется, и охотно объяснял, почему:

– Пока у него есть патроны и кое-какая еда, он может обходить города и ехать горами или бандитскими тропами. Но, Ридж, как только патроны у него кончатся, в животе начнет бурчать, а лошадь охромеет, он непременно совершит ошибку, и тут-то мы его и сцапаем.

Стив был злопамятен, но на редкость последователен в своей злопамятности. Вечером двадцать первого января мы прибыли в очередной городок, ничем не отличающийся от остальных техасских местечек, и мой друг возобновил свои расспросы.

– Кабальеро на пегой лошади? Вы ищете Гильермо Пулю, сеньоры?

Стив снял шляпу, вытер лоб и улыбнулся. Хозяйка салуна, мексиканка, передернула плечами.

– Да, он был здесь с братом.

– С братом? – переспросил я.

– А что тут такого?

Мы со Стивом переглянулись.

– Ты знал, что у него есть брат? – спросил я.

– Да, слышал об этом. Теперь понятно, кто застиг врасплох шерифа Фосетта. Это был не Билли, а его братец. Фосетт был кто угодно, но не дурак.

– Наш шериф, сеньор Терман, пьет без просыпу второй день, – хмыкнула мексиканка. – Он пригласил Билли на состязание в меткости, но тот даже не захотел иметь с ним дело, а послал вместо себя младшего брата. И что вы думаете? Этот ребенок доказал шерифу, что он хвастун, который даже оружие в руках держать не умеет.

– И шериф дал им уехать? – недоверчиво спросил я.

Мексиканка пожала плечами.

– А что тут такого? Они никого не трогали. Заплатили и уехали. В этом городе не принято совать нос в чужие дела.

– Как они выглядят? – вмешался Стив.

– Двое симпатичных гринго, – объявила мексиканка. – Очень похожих друг на друга. Я как увидела их, сразу же поняла, что они братья. Младший во всем слушается старшего, а тот его опекает. Когда младший выиграл состязание, старший отдал ему платок.

– Какой платок? – насторожился я.

– Который носил на шее.

– Вот как... – пробормотал Стив. – Спасибо за текилу. Поехали, Ридж.

– Значит, теперь их двое, – подытожил я, когда мы вышли.

– Наверняка младший такой же мерзавец, как и Билли, – буркнул Стив. – Мне бы только добраться до них, а там уж я с ними разберусь.

Но проехать нам пришлось меньше, чем мы рассчитывали. Лошадь Стива потеряла одну подкову, и мы долго кружили, пока не выехали к крошечному городку, состоявшему из дюжины домов, которые подпирали фасадами улицу, там и сям покрытую желтыми лужами и кучами навоза.

Стив пошел искать кузнеца, а я от нечего делать отправился в салун. Едва я занес ногу над порогом, внутри меня словно что-то сработало, и я понял, что мы нашли по меньшей мере одного из тех, кого мы искали.

За одним из столов сидел парень со светлыми волосами и увлеченно резался в покер с тремя игроками. Шляпу он сдвинул далеко на затылок, отчего челка спадала ему на глаза, и он то и дело сдувал ее. За щекой он держал леденец и ерзал на месте, перекладывая свои карты. Он был как две капли воды похож на человека, которого я видел в Ларедо, но казался куда непосредственнее и живее, чем тот. У светловолосого были правильные черты лица, небольшой нос, маленький, красиво очерченный рот и твердый подбородок. На скулах у него цвел персиковый румянец, глаза ярко блестели. В этот момент, азартно отбивая атаку партнера, он больше всего напоминал непоседливого школьника, устроившего себе каникулы посреди занятий. На шее у него красовался щегольской сиреневый платок.

«Ну, здравствуй, младший Мэллоун», – сказал я про себя.

Сидевший за столом парень рассмеялся – чистым, звонким, заливистым смехом молодого жеребенка. Я тронул «кольт» в кармане сюртука и стал оглядывать помещение в поисках старшего брата, который наверняка должен был находиться где-то поблизости.

Штук семь vaqueros¹³ оживленно разговаривали за тремя столами, рыжий человек медленно потягивал пиво из кружки, хозяин – флегматичный швед-альбинос, которого неведомо как занесло в эти края, пересчитывал бутылки, на раздолбанном пианино в углу печально наигрывал пианист. С улицы вошел светловолосый незнакомец. Я сразу же напрягся, но это оказался очередной посетитель, и он ничуть не походил на Билли, не говоря уже о том, что Билли было около двадцати, а посетителю – наверняка вдвое больше. Подсев к стойке, вновь прибывший спросил виски, а получив его, плотнул и скривился так, словно в кружке оказалось молоко для грудных младенцев.

Я решился, подошел прямо к столу, где находился брат Билли, и сел.

– Люблю покер, – сказал я по-испански. – Можно к вам присоединиться, сеньоры?

Один из сеньоров потерял больше, чем собирался, и с охотой принял мое предложение, которое давало ему повод с честью покинуть игру. Я рассчитывал, что вот-вот появится Стив, и мы захватим младшего Мэллоуна. Последний меж тем доел леденец и вытянул палочку изо рта. Глянув в окно, я увидел пегую лошадь у коновязи. И перевел взгляд на мальчишку, сидевшего напротив меня. Не знай вы, что он недавно уложил шерифа Фосетта и его людей, чтобы освободить своего брата, вы бы никогда не заподозрили, что он на что-либо подобное способен, – таким славным и открытым он казался. Не то чтобы я боялся, но пот все равно стекал у меня по груди. Жилистый смуглый мексиканец, оказавшийся между мной и бандитом, тасовал засаленную колоду.

– Меня зовут Риджуэй Стил, – сказал я.

– Мануэль, – представился банкомет.

– Хорхе, – произнес один из игроков.

Светловолосый сунул в рот палочку и пожевал ее, после чего извлек наружу и поглядел на нее так, словно это был королевский жезл.

– Гарри, – просто сказал он.

Мануэль сдал карты. Мэллоун улыбнулся.

– Десять трэф.

¹³ Ковбоек (*исп.*).

– Пас.

– Валет.

Я чувствовал себя в знакомой стихии. Дверь взвизгнула, поворачиваясь на петлях, и я дернулся. Мэллоун наконец закончил играть с палочкой от леденца и бросил ее на стол. Почесывая нос, он уставился в свои карты. Краем глаза я заметил за окном фигуру Стива, маячившую в конце улицы, и, повернув голову, увидел направленные на меня в упор глаза Гарри. Они были янтарные, холодные и жесткие. Но я даже не успел поразиться происшедшей в них перемене.

– Никогда не садись играть со своей смертью, *compadre*¹⁴, – сказал он.

Крылья его носа подрагивали. Прежде чем я успел опомниться, он выхватил из-за пояса нож и намертво пригвоздил мою правую руку к столу.

От следующего его движения Мануэль отлетел назад вместе со стулом. Пианист, наигрывавший печальную мелодию, обернулся, и я увидел у него те же светлые волосы и те же карие глаза.

Без предупреждения он схватил с пианино «винчестер» и выстрелил. Его брат рванулся к двери. Я почувствовал глухой толчок от пули в грудь и догадался, что пианист попал в меня. Я даже не понял, что умираю, но, кажется, все-таки успел подумать, что Билли Мэллоун и в самом деле первоклассный стрелок.

¹⁴ Приятель (исп.).

10

– Ридж! Ридж, ты меня слышишь?

Чьи-то руки трясли меня. Я попытался открыть глаза, но стоило мне разлепить веки, глухая боль возле сердца напомнила о себе, и я застонал. Правую руку дергало и жгло, однако кто-то уже успел вытащить из нее нож.

– Пуля в сердце, чего там... – произнес рядом чей-то жалостливый гнусавый голос.

– Да уж, пора звать священника.

В ответ неизвестный, показавшийся мне по манере выражения точной копией Стива, обрушил град ругательств на всех священников на свете.

– Принесите сюда воды!

– Зачем вода, – возразил другой голос, до боли похожий на мой, – когда есть виски?

Я обнаружил, что могу шевелиться, сунул левую руку за отворот сюртука и попытался извлечь заветную фляжку. Она не выходила, и я рванул ее прочь из кармана.

– Он жив! – завопил Стив.

Кое-как сев на грязном полу, я с обалдевшим видом уставился на фляжку, в которой едва булькала жидкость, хотя я точно помнил, что накануне она была налита до краев. Какая-то железная штуковина застряла посреди фляжки, и, хорошенько приглядевшись, я понял, что это пуля.

Мое виски в который раз спасло мне жизнь, и вместо неминуемой гибели я отделался лишь легкой контузией. Тряхнув фляжку, я по звуку убедился, что из нее вытекла примерно треть содержимого.

– Черт подери! – произнес я, качаясь. – Каким же надо быть мерзавцем, чтобы испортить такое классное виски!

После чего присосался к горлышку и не успокоился, пока не выпил все до дна.

– Фляжка пропала, Стив, – сообщил я гробовщику, бросая ее на пол.

Он помог мне подняться на ноги. Я потряс головой, чтобы прекратилось мельтешение в глазах, а также чтобы вернуть ясность мысли.

– Тебе надо к доктору, Ридж!

– Черта с два! – возразил я. – Мне нужна лошадь.

– Но ты же ранен!

– Они не успели далеко отъехать. – Шатаясь, я подошел к двери и, глотнув свежего воздуха, почувствовал себя значительно лучше. – Мы их нагоним, Стив. А когда мы их нагоним, я убью пианиста.

– Какого пианиста? – опешил Стив, однако пошел за мной.

– В которого нельзя стрелять¹⁵, – серьезно пояснил я.

Со второго раза мне удалось водрузить ногу в стремя, и я поднялся в седло. Правая рука болела, но я хорошо владел левой и переложил в нее поводья.

– Вперед, Стив!

Куры с кудахтаньем брызнули из-под копыт моей лошади. Я дал ей шпоры, и вскоре городок остался позади.

– Скорее, Стив! Мы их догоним!

– Ладно, Ридж! Постарайся только не свалиться с коня.

Стив зря волновался. Ветер омывал мое лицо, и злость закипала во мне – злость, заглушавшая боль, да и все остальные чувства. Через четверть часа бешеной скачки я завидел впереди двух всадников.

¹⁵ Имеется в виду расхожая надпись в салунах того времени: «Не стреляйте в пианиста, он играет, как может».

– Вот они, Стив!

Мэллоуны, похоже, заметили, что за ними следует погоня, и тоже прибавили ходу. Стив поравнялся со мной и скакал теперь на полкорпуса впереди меня. Мы выстрелили несколько раз, и те двое впереди ответили нам той же любезностью, но ни одна из пуль не достигла цели.

– Они уходят, Стив!

Расстояние между нами и преследуемыми начало увеличиваться. Несомненно, пегий скакун был одной из лучших лошадей, каких я когда-либо встречал, но второй, серый в яблоках, явно уступал ему. Мне показалось, что на нем едет тот гаденыш, что пробил мне руку ножом.

Стив процедил сквозь зубы ругательство, сунул «кольт» в кобуру, снял с плеча винтовку и прицелился.

Я засомневался: слишком уж далеко Мэллоуны были от нас. Но грянул выстрел, серый конь впереди скакнул в сторону, сделал несколько неуверенных шагов и повалился на бок.

– Есть! – завопил Стив, и мы вновь пришпорили коней.

Билли Мэллоун заметил, что лошадь брата ранена, и повернул обратно. Стив выстрелил еще раз, но промахнулся. Мы видели, как Билли пытается помочь младшему выбраться из седла, но тому раненая лошадь придавила ногу.

– Вдвоем они от нас не уйдут! – крикнул Стив, перезаряжая ружье. – Даже на такой лошади, как пегая.

Очевидно, Билли Мэллоун тоже понял это, потому что неожиданно развернулся и, стегнув коня хлыстом, понесся прочь. Менее чем через минуту он растаял в облаке пыли, танцующем вдали.

– Будь осторожен со вторым, Стив! – предостерег я своего приятеля на всякий случай.

Мы подъехали к поверженному бандиту. Он все никак не мог освободить ногу из стремена, но это не мешало ему выхватить револьвер и послать в меня три пули.

Мой славный конь был убит наповал, а Стив, как ястреб, ринулся с седла на врага и вцепился стрелявшему в горло. Парень попробовал выстрелить снова, но Стив вывернул ему руку, и тот, закричав от боли, уронил револьвер.

Мэллоун, однако, ухитрился врезать гробовщику в челюсть и потянулся за револьвером, но я наступил ему на руку и отбросил носком другой ноги «кольт» в сторону. Мальчишка ощерился, как белка, но не говорил ни слова, а только смотрел то на меня, то на Стива бешеными глазами.

– Ну, здравствуй, Мэллоун, – сказал Стив и в качестве приветствия ударил его кулаком под дых.

Мальчишка издал что-то вроде всхлипа и скорчился на песке.

– Пошел ты!.. – выкрикнул он.

– Не пойду, – ответил Стив спокойно, – даже если мне придет приглашение английская королева¹⁶. Ну, где же твой братец, а? Бросил тебя здесь одного подыхать, да?

Гробовщик тяжело дышал, челюсть у него распухла на глазах. Да и я, наверное, выглядел не лучше.

– У меня нет никаких братьев, – огрызнулся Гарри, глядя на него исподлобья.

– Я имею в виду парня по кличке Пуля, этого ублюдка Билли Мэллоуна, – пояснил Стив. – Куда он поехал?

– А я что, знаю? – с вызовом отозвался мальчишка.

– Нет, так дело не пойдет, – покачал головой Стив. – Повторяю вопрос еще раз: куда едет Билли Мэллоун?

¹⁶ Королева Виктория.

– Он передо мной не отчитывается, – внятно ответил парень, ухмыляясь.

– Как тебя зовут? – неожиданно спросил Стив.

– Гарри.

– Это ты положил шерифа Фосетта и его людей, когда они взяли твоего брата?

Гарри усмехнулся и свесил голову.

– Ну, я, – все-таки ответил он гортанным мальчишеским голосом.

– У тебя могут быть большие неприятности, малыш.

– Не называй меня малышом! – ошетинился пленник.

– Ладно. Я просто констатирую, что ты сопляк. Видишь ли, Гарри, на шерифа Фосетта мне наплевать. На тебя тоже. Но твой брат убил одну девушку... Хорошую девушку, и поэтому я его из-под земли достану.

Гарри позеленел. На носу его выступили веснушки.

– Что вы врете? – выпалил он. – Никакую девушку Билли не трогал. Нет у него такой привычки – убивать женщин!

Его возмущение казалось совершенно естественным. Мы со Стивом переглянулись и слегка пожали плечами.

– Надо же, какая преданность... – мягко сказал Стив, и его глаза сузились. – Откуда у тебя этот платок?

Гарри покосился на тряпку на своей шее.

– Это мое, – ответил он неприязненно.

– Тебе его отдал Билли, когда ты выиграл состязание в стрельбе, – поправил его Стив. – Кстати, он не говорил тебе, откуда у него такая прекрасная пегая лошадь?

– Лошадь? – удивился Гарри.

– Не выводи меня из себя. Откуда он ее взял?

– Что значит откуда? – вытаращил глаза мальчишка. – Это лошадь Билли.

– Правильно, – тяжелым голосом согласился гробовщик. – Только ради этой лошади он убил беззащитную женщину. А тебе об этом не сказал.

Гарри глядел на него в немом ошеломенности.

– Меня больше интересует другое, – вмешался я. – На месте Билли я бы давно уже был в Мексике, ведь здесь за его голову объявлена большая награда. Зачем он едет на север?

– Как зачем? – спокойно ответил Гарри. – Он хочет убить Пита Гамильтона.

Стив заинтересованно вздернул брови.

– Шерифа Гамильтона? Который его взял в последний раз?

– Ну да. Шериф тогда убил двоих его друзей, а Билли считает, что долг платежом красен.

– Вот видишь, как это просто – быть честным, – сказал я. – Почему же ты вначале заявил, что не имеешь понятия, куда едет Билли?

Гарри покосился на меня и ничего не ответил, только губу закусил.

– Наверное, он очень привязан к своему брату, – заметил Стив со смешком в голосе.

Я недоуменно оглянулся на него. Глаза Стива сияли.

– Ну конечно же! И если Гарри уложил людей шерифа, то Билли не колеблясь сделает для него то же самое. Знаешь, Ридж, мне надоело гоняться за этим мерзавцем. У него чересчур резвая лошадь, нам за ней не поспеть.

– И что? – спросил я, перевязывая пробитую руку носовым платком.

– Есть такая поговорка: если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе. Надо сделать так, чтобы Билли Пуля сам к нам пришел.

– Он же не сумасшедший, – сказал я.

Гарри, побледнев, не сводил с нас глаз.

– Не сумасшедший, – согласился Стив. – Но он вряд ли бросит в беде брата. Мы заберем Гарри в город, посадим его в тюрьму и объявим, что завтра его повесят. – Он взволнованно щелкнул пальцами. – Держу пари, Билли явится на выручку. Тюрем этот подонок не боится – куда бы его ни сажали, он всегда удирал. А в тюрьме его будет поджидать засада. Точно: так и сделаем.

Мы чуть не упустили момент, когда Гарри вновь рванулся за своим револьвером. Отчаяние придало ему сил, и нам пришлось потрудиться, прежде чем мы смогли справиться с мальчишкой. Он извивался, как змея, и кусался, как волчонок.

– Вы не сделаете этого! – визжал он. На губах у него выступила пена. – Вы этого не сделаете! А-а!

Честно говоря, я не был уверен, что план Стива может сработать, но при взгляде на Гарри последние сомнения отпали. Если Гарри так волновался за брата, значит, он знал, что тот и впрямь не бросит его.

– Еще как сделаю, малыш! – добродушно сказал Стив, когда мы вновь скрутили нашего пленника. – Я тебя поймал, и теперь ты мой. Лично я на тебя зла не держу, хоть ты и попытался невежливо обойтись с моим другом-игроком. Но твой брат – другое дело. Он убил близкого мне человека и только по чистой случайности не прикончил еще и Риджа, и ответит за это. Решено: ты будешь нашей приманкой. Ридж! Садись на мою лошадь. Гарри! Вставай и ступай вперед, никуда не сворачивая. Мы возвращаемся в город. – Стив вытащил «кольт», показал пленнику: – Я думаю, не надо тебе говорить, что эта штука заряжена. Не делай глупостей, иначе мне придется прострелить тебе плечо или локоть, и будет неприятно. Учти: ты у меня на прицеле.

Я влез на лошадь Стива и со вздохом оглянулся на своего Панглосса, лежавшего в пыли. Бедный мой товарищ! Сколько миль мы с ним проделали вместе!

– Не волнуйся, Ридж, – успокоил меня Стив, – я куплю тебе другую лошадь. В конце концов, за голову этого ублюдка Мэллоуна полагается хорошая награда. – И вновь scomандовал пленнику: – Шагай вперед, парень.

– Мой брат – не дурак, – сказал Гарри скалясь, отчего его верхняя губа поднялась, обнажив зубы. – Он не попадет в твою глупую ловушку.

– Ну, мы еще посмотрим, – отозвался Стив.

И так мы вернулись в город: прихрамывающий на придавленную ногу Гарри – впереди, за ним – Стив с «кольтом» в руке, а я замыкал шествие на лошади.

Стив разыскал местного шерифа и объяснил ему, что к чему. Шериф, которого звали Родригес, согласился участвовать в поимке знаменитого бандита, но сразу же предупредил, что тюрьмы в городе нет.

– А что есть? Нужно посадить парня под замок, чтобы он не рыпался, и расставить людей неподалеку.

– Скажу вам откровенно, сеньор: лучшего места для засады, чем мой дом, вы не найдете. Уверен, моя жена не будет возражать.

Стив осмотрел дом шерифа и нашел, что тот и в самом деле годится для наших целей. Гарри Мэллоуну отвели комнату на втором этаже. Его заковали в цепи и посадили на стул, а перед стулом провели мелом черту, которую ему возбранялось переступить под страхом смерти. Стив и шериф Родригес расставили людей возле дома, а на чердаках ближайших домов разместили стрелков. Все они знали, как выглядит Билли Мэллоун, и получили приказ стрелять, как только увидят его, – но не убивать, а лишь ранить. До заката солнца было объявлено, что Гарри Мэллоун, брат знаменитого Билли Пули, за убийство окружного шерифа Фосетта и другие преступления приговаривается к повешению, которое состоится на следующий день. Новость в краткое время облетела весь городок и, как надеялся Стив, вскоре вырвалась за его пределы. В мои обязанности входило стеречь Гарри, чтобы он не взду-

мал выкинуть что-нибудь неожиданное и таким образом нарушить наши планы. Винтовки и револьверы были смазаны и как следует заряжены, часовые стояли на местах, и ни однамышь не могла проскочить в дом шерифа незамеченной. Мы приготовились ждать.

Конец первой части

Часть II

Леди и разбойники

1

Она была красивая. Очень красивая, отметил он про себя. Таких светлых волос он не видел ни у одной жительницы Ларедо, а уж их-то он точно знал наперечет. Женщины здесь смуглые и черноволосые, крикливые и уверенные в себе. Как, впрочем, и большинство мужчин. Эта была другая, и пахло от нее совсем иначе – фиалкой и медом, хотя ее заставили проделать долгий путь. Кожа у нее была светлая, почти не тронутая загаром. А может, просто бледная, что немудрено при потере крови после ранения. Все равно, подумал Франсиско, даже такая – когда она лежит на кушетке с рассыпавшимися волосами и закрытыми глазами, не подавая признаков жизни, – даже такая она определенно стоит трехсот пятидесяти долларов, которые заплатил его отец.

Как ее звали, он не помнил, да это и не имело значения. Здесь, в этом всем в Ларедо известном доме с красными ставнями, она будет отзываться на то имя, которое ей дадут. А не будет – ей же хуже. Франсиско ухмыльнулся и потрогал ее кожу. Ишь, какая кожа, теплая и гладкая, прямо атласная! И в это мгновение незнакомка повернула голову и открыла глаза.

Франсиско оторопел. Таких глаз он еще никогда ни у кого не видел. Они были карие, но из-за плясавших в них золотистых точек казались янтарными, и он не сразу сообразил, что на него смотрела его смерть.

– Прощай, Франсиско, – сказала незнакомка по-английски.

Пока он разглядывал ее, она успела незаметно расстегнуть кобуру на его поясе и вытащить «кольт». Какую-то долю секунды Франсиско надеялся, что она не выстрелит. Смешной казалась сама мысль о том, что его, Франсиско Санчеса, могут убить вот так запросто, из его же собственного оружия, в его же собственном доме, в этот ничем не примечательный теплый январский день. Такого просто не могло быть!

– Ты что это задумала, а? – спросил он хриплым от ярости и удивления голосом и схватил ее за руку.

За красными ставнями взорвалась ослепительная вспышка. Выстрелом Франсиско отбросило назад. Он упал на спину, а леди смерть, вскочив на ноги с поразительным проворством, метнулась к двери, заперла ее и загородила низким комодом.

Франсиско, лежа на полу, слабо стонал. Пуля попала ему в живот, и Амалия (ибо так звали смерть), скользнув по нему взглядом, подумала, что ему придется долго мучиться, пока господь не сжалится и не приберет его к себе. Она хотела только легко ранить его, но из-за того, что он толкнул ее руку, ему теперь придется умереть. Тем не менее она не стала задерживаться на этой мысли, а откинула барабан «кольта» и убедилась, что из шести в нем осталось пять патронов. Левую руку, в которую отдавало из-за давешней раны, немного дергало, но Амалия надеялась, что правая ее не подведет. Из-за двери донеслись топот и шум.

– Сеньор!

– Сеньор, что случилось?

– Откройте, во имя господа!

Чьи-то плечи налегли на дверь, и она затрещала. Амалия прицелилась и послала в створку несколько пуль на уровне груди. За дверью раздались приглушенные вопли, затем все стихло.

Амалия распахнула ставни и высунулась в окно. Второй этаж, но рядом растёт дерево, корявое и узловатое. Амалия взобралась на подоконник и перескочила с него на дерево, когда дверь уже начала подаваться под новыми ударами.

Ободрав руки, с онемевшим от боли левым плечом Амалия скатилась вниз по стволу и рванула на улицу. Наперерез ей выскочил привратник дома с красными ставнями, размахивая руками. Амалия, не раздумывая, уложила его следующим выстрелом и побежала дальше. Теперь у нее не было ни одного патрона.

Она мчалась, не разбирая дороги. Сердце прыгало в груди, в мозгу стучала одна мысль: бежать – бежать – бежать!

У салуна с лаконичным названием «У Хосе» человек в высокой шляпе отвязывал пегую лошадь. В тени стены сидел безногий мальчик с деревянной чашкой для подаяний и смотрел на невесть откуда взявшуюся блондинку с неприкрытым удивлением. Пятнистая лошадь рыла землю копытом и недовольно потряхивала головой с длинной гривой. Амалия любила лошадей и знала в них толк. Она сразу же сообразила, что это стройноногое животное, несмотря на свою потешную окраску, является первоклассным скакуном.

Хозяин пегого и опомниться не успел, как неизвестно откуда взявшийся ураган, лишь лицом и прической напоминавший женщину, уже сел верхом на его лошадь. Толчок ногой в грудь, и человек в высокой шляпе упал в пыль, а Амалия что есть мочи помчалась по дороге, ведущей в Сан-Антонио.

Было 4 января 1881 года.

2

Если бы мистер Роберт П. Ричардсон с ранчо «Эсмеральда» не оказался столь настойчив и не пригласил к себе в гости одну хрупкую блондинку с кротким взором и безупречными манерами, городок Арчер до сих пор жил бы себе спокойно, а дядюшка Чарли лишился бы множества тем для своих устных рассказов. Впрочем, обо всем по порядку.

Ричардсон возвращался из Европы на корабле «Мечта», том самом, где произошло несколько загадочных смертей, блестяще распутанных неким французским сыщиком¹⁷. По чистой случайности на пароходе оказалась и мадам Дюпон, особа, заслуживающая самого пристального внимания хотя бы потому, что ее настоящее имя было не Амели Дюпон, а Амалия Тамарина, и она являлась агентом российской секретной службы. Впрочем, об этом последнем обстоятельстве Ричардсон так никогда и не узнал.

Очаровательная мадам Дюпон, насчитывавшая всего семнадцать лет от роду и двадцать три – по паспорту, путешествовала одна. Когда ее спрашивали о месье Дюпоне, она давала понять, что он поправляет здоровье в клинике для умалишенных, каковой ответ загадочным образом вселял самые неразумные надежды в мужские сердца. Следует отметить, что на «Мечте» вокруг нее постоянно вертелся некий пронырливый субъект, выдававший себя за ее кузена, но стоило кораблю прибыть в Нью-Йорк, как кузен («наверняка такой же родственник ей, как я тетя», по смелой версии Роберта П. Ричардсона) бесследно растворился в его улицах. Ричардсон увидел в этом знак свыше и воспрянул духом.

В декабрьском, насквозь продуваемом ветрами городе Амалия отчаянно скучала. Она нанесла визит русскому резиденту Тихомирову, отчиталась в выполнении своего первого и пока единственного задания, связанного с картиной Леонардо да Винчи, передала ему объемистый сверток, который надо было отправить дипломатической почтой, и под конец осведомилась, когда ей можно будет вернуться домой, в Россию.

– Это... гм... зависит от разных обстоятельств, – сказал Тихомиров. По натуре он был человеком уклончивым и не любил брать на себя лишнюю ответственность. – Я... гм... должен получить инструкции относительно вас от его высокопревосходительства.

– А когда вы их получите? – спросила Амалия напрямик, ибо терпеть не могла уверток.

Тихомиров повторил, что, опять же, все зависит от... но, возможно, через месяц или около того, если обстоятельства... Амалия вспыхнула, присела в книксене и покинула кабинет чиновника. В гостинице ее уже поджидал Роберт П. Ричардсон с букетом роз и предложением – нет, не руки и сердца, а всего лишь поужинать вместе.

Амалия розы не приняла, от приглашения отказалась, сославшись на мифического месье Дюпона, которому не понравится, если его жена будет ужинать с первым встречным, и заперлась у себя. Дня через два, раскашлявшись сильнее обычного, Амалия выплюнула кроваво-красный комок. Перед глазами у нее все поплыло, и она была вынуждена опереться рукой о стену, чтобы не упасть.

В ее семье несколько человек умерли от туберкулеза, и оттого Амалия очень настороженно относилась к своему самочувствию. Она бросилась к зеркалу, и ей почудилось, что у нее на щеках играет чахоточный румянец. Визит к доктору консульства, заявившему, что он не видит причин для волнений, не успокоил ее, а Тихомиров еще не получил указаний из Петербурга. Амалия прогулялась до порта, узнала, что корабль до Одессы отправляется через три дня, и, вернувшись в гостиницу, вновь столкнулась с Робертом.

¹⁷ Об этом читайте в романе «Амалия и пропавший Леонардо».

Молодой американец выглядел смущенным. Он скоро едет к себе на ранчо. Он сознает, что вел себя не слишком вежливо, но, может быть, все-таки она согласится... Ведь, в конце концов, месье Дюпону вовсе не обязательно знать...

К его удивлению, на сей раз его доводы были восприняты более благосклонно, и вскоре Амалия и Роберт сидели за столиком одного из самых фешенебельных ресторанов города и непринужденно болтали. Ричардсон не без удовольствия отметил про себя, что его спутница своим внешним видом, образно говоря, заткнула за пояс всех прочих присутствующих дам, и его настроение, и без того неплохое, достигло точки блаженства. Он превзошел сам себя – рассказывал анекдоты из ковбойской жизни, описывал свое ранчо и городок Арчер, куда раз в два дня ходит дилижанс из Сан-Антонио. Что такое Сан-Антонио? Ну, это замечательный тexasский город, известный своим мягким климатом. Туда специально приезжают лечиться те, кто имел несчастье заболеть туберкулезом...

Амалия уронила вилку.

– И что, там сейчас тепло? Лучше, чем в Нью-Йорке? – весьма заинтересованно спросила юная прелестная женщина.

– О да, там просто замечательно! – сообщил Роберт. – Надо вам сказать, Эмили, что я южанин, солнце у меня в крови. Нью-Йорк хороший город, просто загляденье, но вот мое ранчо... Я все надеюсь, что вы как-нибудь заглянете ко мне в гости... – добавил он просительным тоном.

– Возможно... – многозначительно уронила Амалия, улыбаясь загадочной улыбкой сфинкса. – Очень даже возможно...

В общем, уже на следующее утро Роберт и Амалия сидели в комфорте пульмановского вагона, уносящего их на юг. Им предстояло несколько пересадок, что и немудрено, ибо от Нью-Йорка до Сан-Антонио путь неблизкий. Одиннадцатого декабря они были уже в Остине, административном центре Техаса, и ждали на перроне свой поезд, который еще не подали. Ричардсон хмурился и время от времени поглядывал на часы, прикрепленные к жилету золотой цепочкой. Амалия, в голубом с зеленым платье, вывезенном из Франции, из Парижа, и элегантной шляпке, с которой спускалась вуалетка с мушками, ни капли не волновалась. Все ее тревоги растворились в дымчатой дали, откуда с ревом выползали черные паровозы, тащившие за собой вереницы разномастных вагонов. Среди толпы пассажиров она чувствовала себя самой юной, самой красивой и самой счастливой. Женщины перешептывались, обсуждая ее платье – слишком шикарное по здешним меркам, мужчины не сводили с нее глаз, и это льстило ей и забавляло ее одновременно.

– Поезд запаздывает, – сказал Ричардсон.

По перрону рысцой пробежал начальник станции в форменной одежде, сопровождаемый помощником. На них обрушился град вопросов. Особенно негодовала какая-то древняя высохшая леди, обликом сильно смахивающая на жердь. Она боялась не поспеть в Сан-Антонио, где должны вскрывать завещание ее тети Мэри. Прикинув, сколько лет должно было быть недавно усопшей тете Мэри, Амалия решила, что народ в здешнем климате живет на удивление долго.

– Поезд будет, будет, леди и джентльмены! – твердил заученным тоном начальник станции. – Просто к нему цепляют специальный вагон. Приносим извинения за задержку.

– Вагон? Для кого? – недоверчиво спросил коммивояжер с поблекшей розой в петлице.

– Для преступника, – лаконично отозвался начальник станции и, выбравшись из толпы, скрылся из глаз вместе с помощником, потерявшим в толчее пуговицу с кителя.

Где-то в лабиринте рельсов зауhalo и засвистело. Перрон оживился, носильщики засуетились. Матери призывали к порядку детей, а заодно и мужей, владельцы собак и кошек – своих животных. И в этом привычном, волнами перекатываемом шуме ухо Амалии уловило новый звук, похожий на бряцанье тяжелых цепей.

Она обернулась и увидела, как с другого конца платформы, противоположного тому, откуда входили пассажиры, приближается отряд конвоиров, вооруженных «винчестерами» и револьверами. Обветренные лица этих людей были суровы и сосредоточенны, а их угрюмость отменяла всякую возможность шуточек на их счет. Всего конвоиров было не меньше дюжины, а посередине их отряда, стиснутый со всех сторон своими «ангелами-хранителями», двигался человек в кандалах и наручниках. Они-то и производили тот лязг, который слышала Амалия.

Однако если что-то и поразило ее, так это была не многочисленность конвоя и не обилие цепей, покрывавших преступника с головы до ног, так что он с трудом мог передвигаться. Сам конвоируемый ставил в тупик гораздо больше, нежели те драконовские меры, которые были применены к нему, дабы он не смог бежать. Это был стройный, гибкий, пригожий юноша, на вид совсем еще молодой. Его светлые глаза застенчиво смотрели из-под шляпы, криво нахлобученной на светлые же волосы, на верхней губе темнел едва заметный пушок. У него были правильные черты лица, маленький рот и вздернутый нос, на котором виднелись веснушки. В том, как юноша поглядывал на толпу, возбужденную его присутствием, было что-то детское и донельзя наивное – он явно смущался, чувствуя себя объектом всеобщего внимания. Забыв об опаздывающем поезде, люди целиком переключились на захватывающее зрелище – опасного преступника, которого поймали и крепко держат настоящие мужчины. Вид конвоя и пленника будоражил, как будоражит вид льва, посаженного в клетку в зоопарке. Но у Амалии в голове не укладывалось, что в роли льва на сей раз выступает похожий на персик юноша, которому было от силы лет семнадцать, и она невольно задалась вопросом, что же он мог натворить такого, раз к нему применили столь крутые меры.

– Фью! – присвистнул коммивояжер, тот, что с увядшей розой. – Да это же Билли Пуля!

Услышав имя пленника, несколько особо чувствительных леди шарахнулись в сторону.

– Он? Это он?

– О боже!

– Ничего себе!

– Ну да. Его еще осудили за убийство шерифа Брэнсона.

– Только за одно? Я слышал, он убил не меньше двадцати человек.

– Да, но веревка-то все равно одна...

– Дорогу, леди и джентльмены! – заорал конвоир, шедший впереди. На его груди сверкала начищенная серебряная бляха, указывавшая на то, что ее обладатель – шериф и что он не станет церемониться с теми, кто не выполняет его приказов. – Дорогу!

Замужние дамы, ахая, прятались за спины своих мужей и жадными взорами провожали пленника, едва волочившего ноги. Цепи звенели, каблуки конвоиров стучали по перрону.

Шагах в пяти от Амалии конвой остановился. Локомотив, с пыхтением выплевывая пар, наконец выполз из-за поворота и плавно двинулся к платформе.

Пленник вытер рукавом лицо, отчего цепи наручников зазвенели снова, и украдкой посмотрел по сторонам. Взгляд его упал на Амалию. На шее у нее красовался кокетливый шелковый платочек, тоже вывезенный из Парижа, – настоящее произведение искусства, одна из тех изысканных мелочей, что западают в душу каждому, кто их видит. Платок привлек живейшее внимание Билли. Он сглотнул, борясь с соблазном, но не удержался и вновь поглядел на этот волшебный сиреневый лоскуток. Вблизи было заметно, что два верхних зуба пленника немного выдаются вперед, как у белки, и оттого верхняя губа кажется коротковатой. Билли открыл рот, скользнул взглядом по даме в вуалетке и тихо вздохнул. Наверняка она принцесса, раз позволяет себе носить такие вещи. Всю жизнь Билли мечтал вот о таком платке, красивом, блестящем, пижонском. Если бы он мог, он бы не задумываясь отдал десять лет жизни за то, чтобы обладать им.

Рябой конвоир, беспрестанно сплевывающий себе под ноги, с силой толкнул Билли в спину. Пленник покачнулся и едва не упал. Конвоир весело улыбнулся, обнажив испорченные зубы.

– Перебирай ногами, outlaw! – сказал он.

Вне себя от ярости, Билли рванулся к обидчику, но тотчас же получил прикладом «винчестера» в живот от другого охранника и сложился надвое от боли. Амалия вспыхнула и отвернулась: она ненавидела, когда при ней унижали людей, особенно если те находились в таком положении, что не могли постоять за себя. Ричардсон тронул ее за локоть.

– Нам сюда, Эмили.

Проводник помог им подняться в уютный вагон первого класса. Но от рябого конвоира не укрылось внимание пленника к красивой пассажирке.

– А Билли-то вон на ту дамочку глаз положил! Губа не дура, а? – Он с издевкой обратился к Билли: – Был бы ты честный человек, глядишь, мог бы с ней парой слов перекинуться, а так тебе ничего не светит, поверь мне!

Билли не ответил. Рябой подмигнул товарищам и загоготал, но шериф сурово поглядел на него, и все вместе – и конвой, и пленник – направились к предназначенному для них «спецвагону», которым оказался обыкновенный вагон для перевозки скота, прицепленный в самом конце состава.

3

– Что такое outlaw¹⁸? – шепотом спросила Амалия у Ричардсона, когда они с комфортом устроились в своем купе.

– Это человек, по которому веревка плачет, – назидательно изрекла их попутчица.

Это была маленькая, энергичная леди лет пятидесяти или пятидесяти пяти, из числа тех, что словно ставят себе целью быть непривлекательными. На носу у нее сидело пенсне, а о ее темном платье Амалия, весьма придирчиво следящая за модой, могла бы сообщить, что такой фасон вышел из обихода полвека тому назад. Впрочем, надо сказать, что любая мода была бессильна украсить миссис Бишоп.

Имя попутчицы присутствующие узнали через минуту после того, как состав тронулся, а еще пяти минут хватило, чтобы полностью узнать ее характер. Миссис Бишоп была сварливой, склочной, ненавидящей своих близких особой. И, делая им гадости, крупные и мелкие в меру своих возможностей, она парадоксальным образом не уставала утешать себя мыслью, что служит к вящему исправлению мира. Когда бедняки жаловались ей, что им нечего есть, она советовала им умерить аппетит; когда женщины осмеливались рожать, не состоя в браке, она призывала позор на их головы и истово обличала в безнравственности. В душе миссис Бишоп всегда держала наготове увесистый камень, которым без колебаний запускала в любого согрешившего. В сущности, миссис Бишоп была жалким, скудоумным и опасным созданием, и Амалии становилось не по себе при мысли, что до самого Сан-Антонио ей придется ехать в одном купе с столь неприятной соседкой. Ричардсон, похоже, тоже не испытывал восторга от ее присутствия, но экспресс был переполнен, и деваться им было просто некуда. Умнее всех оказался четвертый пассажир – он извинился, сказав, что всю предыдущую ночь не спал, и вскоре мирно похрапывал в своем углу, откинувшись головой на спинку кресла. Таким образом он отгородился от мира – и от невыносимой миссис Бишоп в купе с ним.

– Я видела, как вы смотрели на этого... этого отщепенца, – продолжала миссис Бишоп, очевидно, бывшая не в силах назвать человеком того, на кого надели наручники. – Должна признаться, он и впрямь весьма привлекателен, но...

Амалия всегда была добрейшей душой. Если не задевать ее, конечно. Но стоило ее тронуть, она могла, как по мановению волшебной палочки, обратиться и в змею, и в разъяренную львицу, смотря по тому, какой образ больше подходил по обстоятельствам.

На сей раз она сказала:

– Вы так считаете? – И, не дав миссис Бишоп времени ответить, быстро продолжила: – Конечно, о вкусах не спорят, но вам не кажется, что вы немного... э... староваты для этого юноши?

Миссис Бишоп вытаращила глаза и захлопнула рот. Ричардсон деликатно кашлянул в кулак, чтобы скрыть душивший его смех.

– Но я не... – обрета наконец дар речи, залепетала дама.

– О, полно, дорогая! – сладко проворковала Амалия. – Не вы первая, не вы последняя.

Обеспечив себе молчание соседки на десяток ближайших миль, она отвернулась к окну и стала смотреть на убегающий пейзаж. Один раз в кустарнике мелькнула большая кошка и скрылась из глаз.

– Это была пума, – сообщил Ричардсон.

За окном тянулись то горы, изрезанные ущельями, то равнина, покрытая редкой растительностью.

¹⁸ Бандит, изгой; букв. человек, находящийся вне закона (англ.).

– Если хотите знать, – подала снова голос миссис Бишоп, – я рада, что его повесят.

– Кого? – спросила Амалия.

– Билли Мэллоуна. Пуля – это его кличка. У всех бандитов есть клички. Как будто им мало их честного христианского имени! – Миссис Бишоп поджала губы. – Его называли Пулей, потому что он никогда не промахивался.

Четвертый пассажир всхрапнул и повернул голову в другую сторону, пробурчав что-то во сне.

– Сколько ему лет? – спросил Ричардсон. – Он выглядит совсем мальчишкой.

– Двадцать, – торжествующе сказала миссис Бишоп. – Ему двадцать лет, и он убил двадцать человек. Вот он какой! Его поймали в Нью-Мексико, посадили в тюрьму и приставили к нему двоих стражей, которые охраняли его двадцать четыре часа в сутки. С него не снимали кандалы и даже приковали его цепью к полу. – Миссис Бишоп сделала своими костлявыми ручками такое движение, будто она сама лично приковывала херувимоподобного Билли к полу цепью. – И что бы вы думали – он сбежал! Убил стражей и сбежал. Но его снова поймали, на этот раз у нас, в Техасе. Теперь ему не избежать возмездия. – Миссис Бишоп понизила голос и перешла на шепот: – Откровенно говоря, я еду в Сан-Антонио только для того, чтобы посмотреть, как его повесят. Это будет весьма поучительное зрелище!

Амалия вспомнила застенчивые карие глаза, нежный румянец и затравленный вид их обладателя. Билли Пуля. Который никогда не промахивался. На чьей шее скоро затянут тугую петлю к вящей радости миссис Бишоп и всех, ей подобных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.